

ДМИТРИЙ БОРК

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

Дмитрий Борк

Последний рубеж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68525121

SelfPub; 2022

Аннотация

«Последний рубеж» – роман в жанре остросюжетных приключений. История беспечного игрока, случайно попавшего на Аляску, в тайгу. Там, в дикой природе, в полном одиночестве начнется ежедневная борьба за жизнь. Удастся ли выжить и поможет ли ему в этом дружба с волчицей, вы узнаете, прочитав этот увлекательный роман. Роман поднимает вопросы о том, как часто нам в своей жизни приходится делать выбор, который коренным образом влияет на судьбу и суть нашей жизни. Книга написана с юмором, особенным чувственным слогом и не оставит читателя равнодушным. Когда прекрасный актер Иван Букчин окончил работу над озвучиванием «Последнего рубежа», у автора возникло огромное желание добавить еще больше красок и эмоций в аудиокнигу. Создать особую атмосферу, чтобы слушатель слышал каждый вздох, шорох или выстрел. Чтобы от рева моторов, воя волчицы, грохота шторма возникали образы и в голове прокручивалось «мысленное кино». Чтобы вы могли ощутить холод тайги или азарт казино.

Дмитрий Борк

Последний рубеж

Деньги не главное, но без них и главному не сбыться.

Пролог

Конец июля 2019 года. Рейс Франкфурт – Лос-Анджелес

Серый день за бортом самолёта моросил противным дождем, и мое настроение от этой картинки еще больше погружалось в унынье. Тяжелый «Боинг», оторвавшись от земли, плавно зацепился за воздух и уверенно пополз на небо. Ватой больно зал

ожило уши, затем болтанка прошла тело тряской, и вжало в кресло. Через минут двадцать, набрав нужные километры, командир звуковым сигналом разрешил всем расслабиться.

Стюардессы засуетились и по очереди вышли к нам в салон. Одна из них, с модельными формами и огромными глазами, подошла ко мне первому и улыбнулась.

– У вас всё хорошо? – уточнила она, наклонившись ко мне. – Может, вы что-нибудь хотите?

«Вот только за это можно тратиться на бизнес-класс, – подумал я. – Нет, конечно, удобные широкие кресла, хороший ужин, дорогой алкоголь и одеяло. Всё это тоже того стоит. Но на душе всегда светлеет, когда в приятном аромате тебя

заботой окружает фея».

Я улыбнулся через силу и медленно ответил:

– Спасибо. Я хотел бы коньяка.

– Какой марки коньяк? – спросила стюардесса всё также мило, не растеряв своей улыбки. – Вам «Хеннеси» или «Реми Мартин»?

– «Реми Мартин», – ответил я, – и сразу же тройную, чтобы лишний раз вас не гонять.

– И что-нибудь к напитку? – и она подала мне карту.

– Бутерброд с сыром, пиканью из мраморной говядины, утиную грудку с пастой и микс-салат.

– Спасибо, я скоро принесу!

Она поднялась и скрылась за шторками в проходе, а я достал свой телефон и стал в нём ковыряться. Но, пролистывая одну за другой фотографии с Дианой, я только усугублял мое и без того шаткое душевное равновесие.

Заметив мрачность на моём лице, соседка, дама лет за пятьдесят, решила запросто, по-свойски со мной заговорить. Хотя я и беседовал со стюардессой на английском, она сразу вычислила во мне своего соотечественника.

– Вы, молодой человек, лучше откажитесь от этой сомнительной стряпни. Закажите лучше водочки для нас обоих, а я вас накормлю не чем попало!

На долю секунды я оторопел, но придя в себя, наклонившись к ее уху, тихо и четко произнес:

– Это немецкий лайнер, мадам! Здесь водку-то обычно не

подают, только пивас, вино, коньяк, вискарик!

– Очень жаль, – грустно протянула дама, – ну тогда виски!
Он тоже подойдет к нашей еде!

– Почему вы так решили? – недоуменно спросил я. – И к какой такой нашей еде?

– Ну как это к какой? Ведь вы русский? Русскую еду и будем кушать!

Она искренне посмотрела на меня как на безмозглого ту-пицу, да так, что я и сам в это поверил.

– А откуда у немецкой авиакомпании русский борщ? – спросил я.

– Зачем нам борщ? – наивно удивилась дама. – Нам борщ совсем не нужен. Нам нужен холодец!

– Холодец? Вы ели их холодец, их «Зульце»? Ешьте сами эту гадость.

– Да вы с ума сошли! Чтобы я ела немецкий холодец? – в ее голосе послышалась раздражение. – Да я перебрала семь поваров. Их всех прогнала, им только посуду мыть доверять можно. А вы мне про немецкий студень?

«Похоже, подшофе, – подумал я. – Или безумная с Рублёвки? Там почти все такие!»

– Вы что-то путаете, мадам, – я опять наклонился к ней, – это не я, это как раз вы мне предлагаете!

– Господи Иисусе!

Дама засуетилась и полезла в сумку от Вуитона. Через секунду ее холеные пальцы с тяжелыми камнями по очереди

доставали: большие варёные яйца и пирожки, ароматное сало и чеснок, нарезанный чёрный хлеб и зелёный лук, жареную курицу в фольге и соленые грибочки в банке, и... настоящий русский холодец.

Салон бизнес-класса заполнился самыми разными ароматами, и я боковым зрением уловил нервные ёрзания наших соседей.

– Вот, – победно произнесла она, оглядывая два наших стола, – всё собственного приготовления. Всех на фиг я поувольняла и готовлю теперь только сама. Милости прошу со мной откусать, и без возражений!

– Простите меня за любопытство, а вы не из Москвы летите? – спросил я, придав голосу как можно больше мягкости.

– Ну-у из Москвы, – протянула дама с чуть уловимой угрозой в голосе, – и что?

– И жареная курица в полёте тоже из Москвы? – с небольшой опаской уточнил я.

– Да из Москвы, из Москвы. Лечу транзитом через Франкфурт.

Дама негромко засмеялась, и лицо ее стало по-свойски добрым.

– Не бойся, сегодня утром эта тварь еще дышала. А ты всё же водочки попроси, дружище.

– А как вы смогли сюда всё это протащить? – не унимался я. – Разве продукты не запрещено проносить на борт?

– Ну это я не знаю, – в голосе дамы послышалась недоуме-

ние, – я шла через ВИП-зал. Там в мои сумки не глядели.

– А-а, – иронично протянул я гласную букву и подумал, что идея с водкой, в общем-то, неплоха, – тогда одну минуту.

Я вежливым движением пригласил стюардессу и, перейдя на хороший немецкий, попросил поменять коньяк на триста граммов водки.

– Я сейчас посмотрю, – ответила мне красавица, – вот только нам не разрешено подавать в бутылке. Мы обязаны разливать водку в небольшие рюмки.

– Видите наши столики, – я кивнул головой на них, – мы очень голодные, и нас мучает жажда. Вы же не хотите весь полёт постоянно к нам подходить? Дайте нам, пожалуйста, стаканчики и водки, и мы сами себе будем наливать.

Стюардесса, посмотрела на наши яства, затем на мою попутчицу, недолго подумала над моими словами и утвердительно кивнула.

– Хорошо, сэр. Всё остальное тоже вам нести? – задала она вопрос вдогонку своим мыслям.

– Нет-нет, всё отменяем, кроме водки, – и я благодарно кивнул красавице.

Через пять минут, опрокинув первый полтинник, моя соседка смачно занюхала пахучим салом и с хрустом закусила зелёным луком. Поставила назад стаканчик, повернула ко мне голову и пристально в меня вгляделась.

– Э-э, дорогой, – протянула она, – да ты никак летать боишься!

– А что, – смутился я, – прям так заметно?

– На выпей, – она щедро плеснула в мой стаканчик живой водицы, – может, полегчает!

Оторопев во второй раз за вечер, я быстро опрокинул свой сосуд.

– А почему? – не унималась моя попутчица. – Может, ты падал?

– Да, Слава Богу, нет! – вынужденно ответил я. – Но случай один был...

– О-о, давай колись, – она приготовилась слушать, – уж очень интересно!

– Ну, летел я как-то раз из городу Парижу летом, – нехотя начал я рассказ, – а рядом странный мужичок в лыжном костюме.

Все напряглись, а он, когда табло погасло, вдруг соскочил и заорал на весь салон: «Кайтесь, грешники, ваш судный день настал! Пришло время молиться!» Вот я и подумал, что настал пипец, и чуть в штаны не наложил реально!

На секунду прервавшись, я не спеша отломил ножку холодной курицы. Затем дотянулся до чеснока, плеснул себе по новой. Залпом выпил и смачно закусил.

– И что? – лицо тётки застыло с открытым ртом, в котором лежало непережёванное яйцо. – Что дальше-то было?

– Да ничего, – скучно ответил я, и закусил пахучим чесноком. – Он просто молча сел на свое место, и мы тихо полетели дальше.

Секундная пауза и громкий хохот дамы разразился на весь огромный лайнер.

– Ну ты шутник, – наконец откашлявшись, произнесла моя попутчица. – Тебя как звать, дружище?

– Макс!

– А меня Нюра! – и она толкнула меня своим плечом. – Будем знакомы, и сразу же давай на ты!

«Хорошо, хоть без брудершафта», – подумал я.

– А у меня тоже прикольная история была, – настроение Нюры ракетой шло на самый верх, – летела как-то возле аварийного выхода. А со мной рядом две древние бабульки. Аля Альцгеймер. Весь полёт проспали, но очень часто, просыпаясь, друг друга тормошили и спрашивали: «Валюшенька, ну что там? Доехали? Нам не пора ли выходить?»

Впервые за долгий день меня отпустило, и я смог рассмеяться. Нюра поддержала меня своим ржачем, да так, что заулыбались и стюардессы.

– Так, Нюра, – я попытался успокоиться, – тогда я тоже еще кое-что расскажу.

Быстро опрокинув очередной стаканчик, я продолжил:

– Как-то летел рядом с двумя пассажирами. Оба пилоты, и оба в лётной форме. Возвращались домой с подмены экипажа. Ну, я с ними выпил-закусил, и тут нам приспичило по малой. А в туалете засела дама с ребенком и надолго. Ну, мы постояли, потоптались и пошли в хвост самолёта. Идем навеселе, шутим и сильно шатаемся. И тут смотрю – в салоне

гробовая тишина, и только звук моторов слышно.

И кто-то сиплым голосом их спрашивает:

– Скажите, командир, а в кабине кто-нибудь остался?..

Нюра прыснула, но всё же смогла спросить:

– И что он ответил, кто остался?

– Кто-кто? Стюардессы, кто ж еще!

Нюра честно попыталась хохотать потише, но у нее это никак не получалось.

– Подожди-подожди, – отсмеявшись, произнесла она, – а ты знаешь эту байку про немецкого и английского пилота?

– Нет!

– Ща, погодь, дай вспомнить!

Она отрезала вилкой свой холодец и намазала на него горчицы из пакетика.

– Короче, в аэропорту Мюнхена пилот «Люфтганзы» спрашивает у немецкого диспетчера полосу. Тот ему отвечает, что по правилам он должен задавать вопрос на английском языке. На что пилот резонно заявляет: «Я немец, пилотирую немецкий самолёт, нахожусь в Германии, с чего это я должен говорить на английском языке?» На что слышит ответ с другого самолёта на безупречном английском: «Потому что вы проиграли Вторую мировую!»

И Нюра опять залилась громким смехом, долила в стаканчик беленькой и протянула его к сидящему через проход немцу.

– Не дрейфь, геноссе, я по-английски тоже говорю! – и

следом подала ему кусочек сала на черном хлебе.

Немец застыл в лице и вопросительно посмотрел на свою спутницу. Улыбнулся, закивал головой и всё же взял гостинец.

– Danke! – он приподнял стаканчик и посмотрел Нюре в глаза.

– Битте. Пей-пей, не бойся, пока мы все еще свои.

– Аллес гут? – спросила проходящая мимо меня стюардесса.

– Она спрашивает, нам водки еще надо? – переадресовал я вопрос Нюре.

– Йа-йа, натюрлих, пусть несет, – сходу ответила мне Нюра.

Я подал знак девушке, что мы не против повторить. Она на секунду задумалась и скрылась в кухне.

– Хороший ты парень, Макс, веселый, – Нюра впервые за вечер заговорила тихо. – Кто ты по жизни? Чем живешь?

– Ничем особенным, – ответил я, – пишу посты в соцсети, да иногда рисую.

– Свободный худила значит! – Нюра поковырялась палочкой в зубах. – Понимаю. А за каким лешим тебя понесло в Штаты?

– Да мне тут путевку подарили. Лечу в Лас-Вегас.

– Да что ты? – она искренне изумилась. – О как интересно! А у меня в Штатах своя сеть небольших отелей. Ты как, летишь играть иль поглазеть на это?

– Скорее, поглазеть, – коротко ответил я.

– Не очень-то ты разговорчив о себе, – она на секунду задумалась и тут же продолжила: – Ничем не занимаешься, но летаешь бизнес-классом, скромный парень, но с рыжими швейцарскими котлами, да и путевки тебе дарят на другой край света. Свободно владеешь двумя языками, и аусвайс из кармана торчит.

Нюра повернулась вполоборота и уже с нескрываемым любопытством задала прямой вопрос:

– Ты кто по жизни, парень?

– Нью-юра, – протянул я, – всё очень просто. Отец когда-то строил планы на запасной аэродром, отсюда и крыша в Германии. Английский достался после учебы в Лондоне. Опять же папик постарался. Свободный художник? Так это потому, что предок от меня хорошо откупился. Так что ничего особенного, всё как обычно, всё как у всех.

– Ну да, ну да, – как бы про себя вслух сказала Нюра, – всё как обычно, всё как у всех. А кто у нас отец, ты не подскажешь?

Меня стало утомлять ее бесцеремонное любопытство.

Я повернулся к ней поближе, в третий раз наклонился к ее уху и шепотом произнес:

– Судя по твоему прикиду, сумкам и камням на пальцах, он твой сосед!

Могучий смех Нюры заставил вздрогнуть уже дремавших пассажиров. Ей, несомненно, понравился мой юмор.

– Ну ты мне явно по душе, Макс! – и она полезла в свою сумочку. – Вот моя визитка. Здесь оба телефона: московский и штатовский. В Штатах я пробуду пару дней и вернусь в Москву. Надо решить кое-какие там свои задачки. Если понадобится помощь, можешь звонить в любое время. Дружба моя чего-то стоит.

Я посмотрел на визитку. С одной стороны латиница, с другой кириллица. Красивыми буквами по центру было выведено:

*«Кристалевская Анна Абрамовна.
Гостиничная сеть Отель-Экспресс.
Владелица».*

– Анна Абрамовна, – произнес я вслух.

– Что, – Нюра одарила меня обворожительной улыбкой, – не похожа? Что-то мне подсказывает, что и твое отчество явно не Петрович. Фамилию твою уже и спрашивать боюсь.

– Да уж, отчество у меня исконно русское, – протянул я ей в ответ, – Моисеич! А вот у отца отчество прямо как у тебя – Абрамович.

– Я сразу так и поняла, как глубоко закопаны твои таланты¹.

Нюра подняла стаканчик и вдруг на несколько минут утихла.

– Кстати, знаю я одного Моисей Абрамыча. Еще с конца восьмидесятых. Высоко чувак взлетел. В ближайший круг

вошел. Не твой ли он папаша?

– Да нет конечно, – я попытался спрыгнуть с темы. – Пращур мой скромняга!

– Звучит как работяга, не находишь? – она как-то недобро улыбнулась. – И как давно тебя Абрамыч потерял?

– Давненько уже, – вздохнул я. – Да Бог с ним. Всё что мне нужно, он мне дал.

– Что дал? – Нюра удивленно икнула.

– Образование, две квартиры и небольшое содержание, – ответил я.

– Да не-ет! – вдруг перебила Нюра. – Сладкую жизнь он тебе дал, которой ты не очень-то достоин.

– Эт почему это я недостоин? – я выпучил глаза.

– А тебе папаша не успел сказать, что в этом мире даром ничего не достается? Даже отцовские баблосы. За всё надо платить.

Нюра на секунду замолчала, задумалась над чем-то, как будто что-то вспоминая.

– Тот Моисей, которого я знала, – Нюра вдруг подняла свой тонкий указательный палец вверх, – тот Моисей ни с кем так просто не делился, а рвал всех на куски, кто на пути его стоял. Как страшный зверь, врубаешься, майн фройнд?

Нюра щедро отвесила в свой стаканчик водки, посмотрела на него философским взглядом и махнула.

– Как страшный зверь, – повторила она и на несколько секунд загрустила. – Кстати, а ты знаешь, что антилопы лег-

ко обгоняют в беге львов? И львам частенько влом за ними гнаться.

Тут Нюра явно ощутила воздействие прозрачной жидкости и неожиданно умолкла.

Потом как будто бы очнулась и сразу же спросила:

– О чём это я, Макс?

– О львах и антилопах! – вежливо напомнил я.

– А-а! Вот о чём, – вспомнила и оживилась дама. – Я хотела сказать, что даже лев может быть в заднице. Врубается?

– Эт ты к чему? – я всё ещё пытался понять ее хмельную логику.

– Наш славный мир, Макс, ошибок не прощает! – Нюра вдруг заговорщицки перешла на полутон. – Всё бесконечно подчиняется закону: ты либо хищник, либо жертва.

Двумя руками она разделила воздушное пространство перед собой на две части.

– Вот есть жизнь, – она показала левую ладонь, – а вот есть смерть, – она показала правую ладонь, – и расстояние между ними может очень быстро сократиться.

Резким движением она хлопнула в ладоши и сразу же взяла бутылку минералки. Опять встала на секундную паузу и залпом осушила газировку. Взгляд ее стал твердым, жестким и колючим, но что-то продолжало тревожить мою попутчицу.

– Лас-Вегас плохой город! – меняя тему, внезапно выдала она. – Зачем тебе туда?

– Билеты были, – пояснил я, – да и отель уже проплачен, вот и полетел. Мне моя девушка поездку эту подарила.

– А почему летишь один?

– Да-а-а, – протянул я, тут же теряя остатки хорошего настроения, – она ушла от меня. А дома оставаться было мне совсем нелегко, вот и полетел.

– Что-то я совсем подрастерялась! – Нюра попыталась выстроить всю логику событий. – Она дарит тебе тур в Лас-Вегас, но сама с тобой не летит?

– Да нет же, Нюра! – я через силу улыбнулся. – Билеты мне были подарены давно, еще на день рождения, а ушла она совсем недавно!

– А почему-таки ушла? – любопытство опять заиграло в ее глазах. – Застукала с другой?

– Да нет же, Нюра! – я даже мысли допустить не мог, чтоб изменить принцессе. – Там кое-что другое...

Я замолчал, размышляя над тем, стоит ли продолжать или уже закончить этот разговор.

– Подвел я ее, – вдруг выпалил я, сам не понимая зачем.

– Подвел? – в ее голосе мелькнули не очень приятные нотки. – А может, что-то посерьезней?

– Да как сказать... – я всё еще имел шанс остановиться. – Там долгая история...

Нюра внимательно посмотрела на меня уже более трезвыми глазами.

– Надеюсь, ты ее не подставлял? Вселенная такие подло-

сти с лихвой нам возвращает.

– Да знаю я! – мне вдруг стало совсем тошно. – Знаю, Нюра!

– Э-э, дружище, как тебя плющит, – в голосе Нюры мелькнула жалость, замешанная на разочаровании. – Давай, рассказывай, лететь нам еще долго.

Я заглянул в ее глаза, которые смотрели как родные, и на долгую минуту погрузился в свои мысли. Затем осторожно и скупно начал монолог. Но чем дальше я углублялся в свою историю, тем больше подробностей я рисовал. Историю последних двух лет моей жизни.

Нюра слушала молча, превратившись в уши и не пропустив ни одного слова. Не перебив ни разу и ни о чём не уточнив. А я, чувствуя такой глубокий интерес к себе чужого человека, старался рассказать всё честно и дать больше деталей.

– Вот как-то так... – грустно сказал я, заканчивая свой рассказ, – сам всё испортил.

Нюра, видя мое подавленное состояние, решила за мной поухаживать. Мы выпили не чокаясь, обоим было уже не до того.

– Совсем не понимаю, что на меня нашло? – промямлил я. – Зачем я это сделал, ведь у меня уже всё было! Ну или почти всё...

– Дорогой мой, – Нюра, наконец, заговорила шепотом, почти как заговорщик, – я тебе точно скажу, что почти всё – это

далеко не всё! А когда еще совсем не всё, то очень хочется, чтобы было всё! Отсюда лезут все проблемы, понимаешь?

– Ни хрена не понимаю! – взорвался я и хотел было опять полезть к бутылке, но Нюра вдруг включила реверс. Мягким движением руки она меня остановила.

Я покорился и продолжил:

– Хотя о чём я говорю? Ей во сто крат больнее, ведь это я ее подставил... Перед ее отцом, семьей. Перед тем человеком, который ей поверил и дал нам денег. А она напрасно поверила в меня! – хмель продолжал развязывать язык. – У нас была одна большая мечта на двоих, и мы ее почти достигли.

Я совсем раскис и замолчал.

Попробовал еще раз протянуть руку к бутылке, но Нюра, словно старшая сестра, опять ее остановила и мягко произнесла:

– Да уж, сильно твое нутро раскорячило, Макс! – ее рука легла мне на плечо. – Ты можешь сколько хочешь рассуждать, виниться и молиться Богу... Всё напрасно.

Амнистии не будет. И жить тебе в этом аду придется еще долго. До сегодняшнего дня ты только писал, рисовал, баб портил и развлекался. Всё это было до тех пор, пока тебя на небесах терпели.

– Где-где терпели? – я даже икнул от изумления.

– Где-где? – Нюра опять подняла палец и указала им наверх. – Там, на небесах тебя долго терпели, дорогой. И вот их выдержка иссякла.

Нюра подняла со столика бутылку, но налила только в мой стаканчик.

– И что мне теперь делать? – опустив глаза на свои туфли, спросил я.

– Смотря, чего ты хочешь? – бодро заметила она.

– Ее назад вернуть! – без надежды ответил я. – Я даже просил у отца денег, чтоб ей помочь. Но он не дал, послал подальше.

– А взяла бы она сейчас у тебя деньги? – спросила Нюра. – Хотя, не спорю, судя по твоему рассказу, они ей очень нужны. Но дело тут не только в бабках. Такие, как твоя принцесса, слабых не любят. Таким нужны мужчины посильнее их самих. Ты не такой и стать таким не сможешь.

– Чего это я не смогу! – хмель быстро меня заводил. – Я всё смогу ради нее! Могу поспорить.

– Ты уже спорил, – разочарованно парировала Нюра и замолчала.

Она погрузилась в свои мысли. А я, сидя рядом, боялся ее потревожить.

– Ну, хорошо, – она, наконец, очнулась, – посмотрим. Сколько, говоришь, пробудешь ты в Лас Вегасе?

– Неделю, может, две.

– Недели хватит выше крыши. Много не пей и, главное, тебе нельзя играть, запомни. А вот через неделю возьмешь билет в Кейтсити.

– В какой такой Кейтсити?

– Кейтсити, который на Аляске. Тебя там встретит человек. Переночуешь у меня в отеле и дальше с ним пойдешь в тайгу.

– Куда пойдешь, в тайгу? – я с трудом хватался за ход её мыслей. – Зачем?

– Душу лечить, вот зачем! – резко ответила Нюра и уже мягче добавила: – Тебе это поможет!

Она достала красивый кожаный блокнотик, быстро в нём что-то написала золотым пером, оторвала листок и подала мне.

– У тебя есть неделя. Можешь, конечно, передумать, не проблема. Но если всё же надумаешь, позвони по этому номеру. Кличат Ником, живет один и глубоко в лесу. Но у меня с ним будет встреча, и я заранее ему обо всём расскажу. О деньгах не беспокойся, за все мои заботы я всё с батяни твоего стрясу. И кстати, будет повод повидаться. – Нюра улыбнулась и хитро добавила: – Если ты в папу, то будет тебе шанс, а если нет, то уж не обессудь, ты безнадежен. На, выпей. И думаю, нам на сегодня хватит.

Нюра откинулась на спинку, закрыла глаза и тут же провалилась в сон. Я же замер в задумчивости над ее последними словами: тайга, какой-то Ник, шанс, хищник, жертва... Рука опять потянулась к бутылке, но... взял я почему-то кока-колу. Откинув спинку кресла, я выдвинул под ноги пуф. Накинул одеяло на себя и тоже погрузился в сон...

Я опустил в ночь, и надо мной зажглись все звёзды неба.

Они были такими ослепительно яркими и невероятно близкими к земле, что легко освещали черный лес, в котором зловеще что-то возвышалась. Это была тёмная пирамида, на вершине которой огромным желто-зелёным мазком Манэ тлело северное сияние. Оно, как и звёзды, излучало необычное живое свечение, в центре которого стояли две фигуры.

Первая, худая и высокая, была в шапке, расшитой рисунками солнца, неба и оленя. С головного убора свисали плотным рядом бусы, полностью закрывавшие лицо этого человека. Он был одет в камлайку из кожи с нашитыми различными узорами и с отвисающими длинными полосками от рукавов. Подпоясан человек был длинным куском тесьмы, на которую были навешаны колокольчики, фигурки разных духов, сумка, мешочки-кошелёчки и ритуальный нож. Рядом с ножом была заткнута плетёная сумка. Под камлайкой на ногах виднелись кожаные штаны, накрывавшие своими краями меховые ботинки, обвешанные крошечными колокольчиками. В руках человек держал небольшой плоский кружочек диаметром сантиметров десять, что-то похожее на зеркало, но не стеклянное, скорее, из металла, одна сторона которого была отполирована до блеска, а на другой виднелся не совсем ясный мне рисунок. Поза у колдуна была закрытой, в воинственной защите от второй фигуры, крылатой, на две головы выше и стоящей к нему совсем близко.

Крылатый же, напротив, стоял спокойно, скрестив руки на груди и свернув крылья за спиной. Он в темноте светился,

вперед немного наклонившись, совсем не суетился, как тот шаман. Меж ними диалог тревожный, не простой и сложный. Но у шамана каркающий голос, тогда как у крылатого красивый низкий баритон, и мягкий в разговоре тон. Однако было ясно, шаман ему не рад.

Шаман о ком-то или о чём-то свой начал монолог:

– Зачем он здесь? Здесь мир иной. Не нужен мне тяжелых мыслей рой! Мне дел своих и так хватает. А он себя давно теряет. И заточение в лесу уж ни на что не повлияет. Но ты, – индеец вдруг с укором произнес, – решил загнать его в Природу, подвергнув риску его сходу! Ты ж отдаешь его на растерзание! Чудовищно такое испытание. Нет, не хочу его встречать. Не хочется мне перед Главным отвечать.

Он умолк в тишину. Однако собеседник шамана совсем не спешил нарушать это тяжелое безмолвие, а продолжал внимательно молчать. Индеец, потупив глаза, решил тогда продолжить. Но интонация его на этот раз смягчилась.

– Мне в этот день унылый, поверь мне, белокрылый, чем-то себя занять, не надо долго заставлять. И без него дел у меня по горло, давно усталостью подперло, – он правую ладонью схватил себя за шею. – Про отдых я, вообще, боюсь упомянуть, ты ж первый поспешишь еще больше пнуть, не пощадив меня ничуть!

И опять пауза, опять молчание. Шаман было хотел заговорить, но не успел.

– Ты всё? Закончил?

Ангел вонзил свой острый взгляд в индейца, и тот под ним стал уменьшаться. Воинственный порыв, как лед под солнцем исчезал. В конце концов он голову свою вогнал по плечу. Замер. Казалось, разразится сейчас гром! Но...

Деликатный и басистый голос заполнил всё пространство мягко:

– Шаман, зачем тебе в себе копать? – Крылатый руку приподнял и с силой ткнул его в камлашку. – В моих идеях разбираться не каждому дано! Однако же со мной тебе быть лучше заодно! Друзья мы были, помнишь? Давным-давно, давным-давно... Однако, как я вижу, меж нами еще есть паршивых пару но?

Ангел опять взял паузу, неожиданно развернулся спиной к шаману и уже жестко произнес:

– Прошу тебя, не лезть на старость лет в дерьмо! Мне ж ничего не стоит, поставить на тебе клеймо, и поменять твое банальное мышление, серьезно усложнить твое мировоззрение. Поэтому забудь про ополчение. – В этот момент он распустил свои огромные крылья, ошетинился и взлетел. – Ты уже завтра свои силы подключаешь и с настоящим рвением мне помогаешь! С идеями своими не влезает, ты наблюдаешь, ничего не упускаешь. И когда надо... – тут голос Ангела стал громовым, – ему ты помогаешь!

Эхом по всей планете прошло три раза слово «помогаешь»! Испуг на лице шамана породил адскую гримасу. Он отстранился, сделал шаг назад, руки сложил в защите. Еще

пару шагов – и пропасть. Он упадет и разобьётся. Но Ангел наседать не прекращал.

– И не перечь мне больше. Ты лучше поживи подольше. Ведь Ангелы теряют крылья, когда в их планы вдруг вставляют клинья. Тогда они хватаются за меч! Хочу тебя от этого предостеречь!

Теперь в его руках был деревянный меч Атасса², и он светился, как сотни свеч. Могучим страшным голосом, словно монеты, чеканил он слова:

– Запомни! Теперь ты за него передо мной в ответе. И главное! Он должен выжить в этой эстафете. Я всё сказал, теперь иди, внимательно за ситуацией следи.

Меч вдруг исчез. Ангел поднялся выше, выше и полетел на небо. Но голос его продолжал вещать во всём пространстве:

– Шаман, все силы приложи! Убереги! Он должен выжить, не сдаваться! Мне перед *Ним Самим* скоро рапортоваться. Докладывай мне каждый день. Счастливо оставаться.

Фигура Ангела слилась со звёздами на черном небе.

– Фу-ух, – шаман вздохнул с облегчением и руки опустил, – на этот раз... простил.

И оба растворились в темноте, а вслед за ними черный лес и пирамида. Остались только звёзды, которые тревожно стали мне внушать, что надо мне следить за ветром. Именно эта мысль при пробуждении, как стоп-сигнал у светофора, мигала у меня в мозгу. Красным: следи. Зелёным: за ветром.

– Проснись, проснись, Макс, – Нюра по очереди меня толкала обеими руками то вправо, то влево, – скоро садимся, просыпайся!

От выпитого моя голова была в густом тумане. Во рту как будто куры ночевали. Со страшной силой давил ремень на мочевой пузырь. Все признаки того, что самолёт шел на посадку.

Я быстро метнулся в туалет, благо он был недалеко, и вышел из него изрядно посвежевшим. На мое удивление, Нюра, сидя в кресле, цвела и хорошо пахла. Никаких признаков вчерашних возлияний не проглядывалось. Она открыла маленькую пудреницу, критически осмотрела себя в зеркало и припудрила носик.

– Ну что, дружище, нелегко тебе сегодня? – она звонко защелкнула изящную коробочку и положила ее обратно в сумочку. – Разговор наш еще помнишь, или ты уже был в блэкауте?

Я нащупал в кармане смятую бумажку. Достал, посмотрел, прочитал и всё вспомнил.

– Так вот, – Нюра повернулась вполоборота ко мне, – повторю слово в слово еще раз: у тебя есть всего одна неделя, чтобы решить, чего ты хочешь в этой жизни. И если всё-таки надумаешь, то позвонишь Нику. Я по прилёту его подробно обо всём проинструктирую. Он возьмет тебя к себе, как я уже сказала, на охоту. Этот славный парень много лет назад пережил одну очень мерзкую историю, которая потянула за

собой другой тошный эпизод. Всё это загнало его в лес. Тебе с ним надо пообщаться, тогда, быть может, что-нибудь поймешь.

Нюра встала и начала собирать свои вещи в кожаную сумку. А я так и стоял в задумчивости на проходе.

– И, кстати, позвони ему заранее, он скажет тебе всё, что надо будет прикупить с собой. И про ружье! Про ружье не забудь сказать, какое ему надо будет подобрать для тебя.

– А долго? – спросил я и замолк на секунду. – Долго нам там быть... в этой тайге?

– Эт как пойдет, дружище! – она как-то чудно улыбнулась. – И помни, любое решение будет только *твоим* решением. Только твоим выбором. Да присядь ты, наконец. В ногах-то правды нет, как будто ты не знаешь...

Глава 1

Начало августа 2019 года. Аляска

Двухчасовой полёт на джете прошел вполне терпимо, но всё же не так комфортно, как мне бы хотелось. Наш легкий самолёт уже при взлёте попал в воздушные потоки от предыдущей, более тяжелой машины. Сначала нас пинком подбросило вверх, но сразу кинуло обратно в пропасть. При этом самолёт качнуло вправо-влево, и тут же корпус неприятно задрожал. Я инстинктивно вжался в кресло, но по набору нужной высоты, когда всё устаканилось, наш командир ко-

рабля принес всем извинения, и дальше мы пошли спокойным курсом. Но иногда в полёте мы будто обо что-то спотыкались.

Наш борт чертил прямую строго на север, вдоль западного побережья. Слева огромный синий океан, а справа горные вершины в белых шапках. А между ними красиво отражали солнце холодные озёра. Как зеркала. И над всем этим то там, то здесь гнездились облака. Мой взгляд прилип к величию природы, и на душе появилось что-то новое и волнующее. Что-то очень близкое к моему детскому восторгу. Но и животный страх тихонько вполз в меня через инстинкт. Непонятно откуда появилось необъяснимое предчувствие. Но о чём оно, я объяснить себе не мог. И мои мысли в падении зашелестели, как листья клена в сентябре, кружась и падая к земле.

Как я сюда попал?

Да и зачем я выполняю чужую волю? Какой-то незнакомой Нюры! Я по своей природе против убийств любых животных, а здесь я должен буду истреблять зверей, пусть даже, может, и больших, и очень хищных.

Я сам себе не мог поверить, что пролетел полмира ради этой цели. И в памяти логично всплыл разговор с Дианой за пару месяцев до моего очередного дня рождения. Надо сказать, что после прыжка с парашютом, который мне устроила принцесса на годовщину нашего знакомства, я с большой опаской относился к любым ее подаркам. Это всегда сюр-

приз неожиданный. Поэтому я уже заранее был готов занырнуть с аквалангом в черное и холодное пещерное озеро. С ужасом пересилить страх и промчатся в болиде с профессиональным пилотом по трассе Nürburgring, которую давно закрыли для официальных гонок из-за бесконечных катастроф. Ее оставили балбесам, которые по ней гоняют до сих пор на собственных машинах. Я также настраивался преодолеть испуг и полететь на парашуте, прыгнув с какой-нибудь скалы швейцарской. Хотя надеялся я всё же, тихонечко зависнуть в аэротрубе или отправиться в осенний лес на бронетранспортере. Но я предчувствовал беду в ее презенте.

Предчувствовал не зря и поэтому заранее попросил ее, не лезть высоко в горы, на снежные вершины, что спят во тьме ночной. Насмотревшись документальных фильмов о неудачных альпинистах, я не хотел случайно поломать ногу на спуске или насмерть замерзнуть в хилой палатке.

– Хорошо, – задумчиво ответила Диана, и я понял, что вовремя избежал печальной участи своей. – Я поняла тебя, на Джомолунгму мы не лезем. Ты хочешь что-нибудь попроще.

Она сдержала слово, на Эверест мы не подались. На мой день рождения за столиком с белой скатертью да под черный блюз в уютном тихом ресторане и со счастливой улыбкой на устах Диана мне вручила толстый конверт. Я осторожно заглянул в него и увидел несколько плотных сертификатов.

– Нет-нет, карабкаться наверх нам не придется, но... – принцесса мило улыбнулась и бархатным голосом продол-

жила: – Знаешь, я долго думала над тем, как отметить твой день рождения. И где. Мы с тобой еще не были в Швейцарии, ведь ты же не против?

– Конечно, не против, – произнес я осторожно, понимая, что это только хитрый пролог к чему-то непростому.

– Я хотела, чтобы оно запомнилось нам обоим на всю жизнь.

– А если просто погулять по Берну? Или пожить в Альпийской сказке? Нам так нельзя?

– Так вот, – она просто пропустила мимо ушей мой комментарий, – однажды, когда я готовила нам ужин, по телику шел фильм о Джеймсе Бонде, – она на секунду умолкла, давая мне осмыслить ее слова.

Желудок мой сжался в нехорошем предчувствии, а память стала тасовать те трюки ловкого агента, которые я мог вспомнить. Альпийская погоня на одной лыже – нет, не то. Прыжок из самолёта без парашюта – тоже безумие. Прыжок с буровой установки – слишком опасно. Тоже нет. Пробежка по спинам живых крокодилов – вот это может быть, но как-то маловато для подарка. Тоже нет. Большой прыжок на скоростном катере – невероятно сложно организовать. Проходим мимо. Гонка по льду на Aston Martin – вот это да. Это возможно.

Меня немного отпустило. Катание по льду на гоночном автомобиле! Вот это класс! Я медленно открыл конверт и достал первую открытку. На ней была фотография плотины

среди зелёных гор и надпись:

«Плотина Верзаска.

Совершите поступок настоящих героев».

И тут у меня внутри всё оборвалось. В прямом и переносном смысле, потому что я вспомнил, как Бронсон быстро бежит по огромной плотине, останавливается на ее середине, кидает наземь резиновый канат. Затем ловко цепляет карабином один его конец за ограждение, встает на край, подымает голову наверх, смотрит на небо, крылами разводит руки и ласточкой кидается вперед. Он должен лететь семь долгих секунд, но в фильме он летит минуту. Летит красиво, сохраняя правильное положение в полёте, это при том, что высота плотины двести с лишним метров.

Когда-то в детстве я пять лет занимался прыжками в воду и хорошо знаю, что сохранить полёт ласточки в воздухе при таком затяжном прыжке практически невозможно. Нужны долгие годы тренировок. Даже при прыжке с десяти метров, если не держать железным пресс и крепким таз, то человек уйдет в нырок и упадет на спину. Но Пирс летит. Летит как птица. Потом очень медленно натягивается его канат, и свободное падение погашено. Теперь герой в падении свечой и строго вертикально, при этом он легко достает ниоткуда какой-то необычный пистолет, стреляет гарпуном и с его помощью цепляется за дно. В кино этот трюк вызвал у меня восторг от красоты полёта и ни капли страха за Джеймса Бонда. Так всё было просто на экране. Но повторить такое, я нико-

гда, конечно же, не думал.

Всё это время принцесса внимательно смотрела на меня и с легкостью читала мои чувства. На мой недоуменный взгляд и «радости» улыбку, она сверкнула своими безумно красивыми глазами и уверенно произнесла:

– Всё честно, Макс! Я буду рядом. Прыгать мы будем вместе. Так что не бойся.

– Не бойся! – воскликнул я. – Ты повторяешься, мы уже прыгали вдвоем.

– Ну да, прыгали, – принцесса одела на лицо маску наивности, – но то было совсем другое. К тому же я сама еще ни разу не прыгала с канатом. Поэтому в конверте для тебя лежит еще один сертификат, поройся, дорогой.

– Что-о? – меня как будто пронзило током. – Еще один подарок?!

– Да, милый, еще один, – она продолжала наивно улыбаться. – И он точно будет по душе.

Я с опаской достал вторую красивую открытку, сложенную втрое. На ней были фотографии ночного города, рок-площадок и казино. Тур в Лас-Вегас на всемирно известный фестиваль электронной музыки. Я вздохнул с облегчением. На этот раз пронесло, и я расцвел в счастливой улыбке. Принцесса тоже улыбнулась.

– Ну что ж, – я взял ее за руку, – за этот фестиваль я готов стерпеть твою дурацкую идею с Биг Джампингом. Но только один раз и больше никаких прыжков. Пообещай мне.

– Пообещаю... – она сделала паузу и прошептала: – После того как прыгнешь...

И ведь я прыгнул, себя преодолев, хотя страх я начал испытывать уже на парковке возле дамбы. А когда увидел ее размеры, то каждый шаг к ней на пути стал настоящей пыткой, а на самой плотине стояло огромное количество зевак и длинная очередь из желающих почувствовать себя Джеймс Бондом.

Наш сертификат позволил нам не стоять в очереди. Мы подошли к центру плотины, к вышке, и принцесса дала мне время. Я долго наблюдал за другими – опытными прыгунами. Как они делают толчок, как держат спину, как сохраняют равновесие, как правильно меняют в полёте положение тела. Казалось, им это дается очень легко и просто. И главное – совсем не страшно.

Прошел час. Ровно час, в течение которого принцесса просто тихо стояла рядом, не проронив ни слова. Она меня ждала. Начни она меня хоть понемногу уговаривать, я точно бы замкнулся и сдал назад. Но я, наконец, мотнул головой – готов. Принцесса радостно соскочила с места и счастливая потащила меня за руку к инструкторам.

Следующие пятнадцать минут ушли на обвязку. Я стоял как во сне и не замечал, как человек с железными нервами и мышцами проверял на мне все тросы и крепления. Наконец я слышу: «Ты готов?» В его глазах читалось понимание, и он не торопил, он тоже ждал. Затем в ответ на мой немой

кивок: «Тогда пошли!»

Десять метров по дамбе, десять ступенек по лестнице вверх, и вот он... эшафот. Я оглянулся, принцесса рядом.

«Ты первый раз?» – это был голос старшего по вышке. Молча кивнул.

Страшно. Голоса нет, во рту всё пересохло, и ноги ослабели, и руки онемели. С трудом поднял глаза, и что увидел?!

Три десятка зрителей в возбуждённом состоянии наставили на меня свои гаджеты.

Одна из женщин глядя вниз кричит: «Oh, Scheisse!»³. И с этим «шайзе» мне понятно – назад дороги больше нет. Бесславно струсить и тихонечко уйти – уже не выйдет. Жить с этим дальше будет очень трудно.

Я поворачиваюсь и слышу голос своей принцессы: «Милый, хочешь, я прыгну первой?» Молчу, не отвечаю, я полностью в себе.

Что говорил инструктор? Руки к груди – это когда? А точно – на возврате? Что там еще? Уже забыл. Всё как в тумане, всё как на автомате.

Вот я уже стою на самом краю платформы.

«Вниз не смотреть!» – я помню, помню.

Тогда я поднимаю глаза. Передо мной покрытые лесами склоны и северный берег Лаго-Маджоре. Через завесу в голове я слышу, как старший пристегивает мои ноги к толстому резиновому канату. И тут я вижу электронный циферблат. Он где-то в моих мыслях, в моём воображении. На нём

две цифры:

Ноль и Семь.

Зевака по-английски говорит: «Наверное, вся жизнь перед глазами!»

Ноль – Шесть.

Подхожу к краю. Слышу уже по-русски: «Ну! Прыгай, падла, не тяни!»

Ноль – Пять.

В моих ушах главный по вышке: «Смотреть перед собой. Руки в стороны. Немного валишься вперед, сгибаешь ноги, приседаешь, и дальше толчок вверх!»

Ноль – Четыре.

В этот момент я очутился в детстве. Стою на вышке, смотрю на воду. Мой первый прыжок с десяти метров.

Ноль – Три.

Я пролечу мимо воды в бассейне и упаду на бетонный бордюр.

Ноль – Два.

Мой тренер Алесан Иваныч в самом низу командует руками «Прыгай, давай!».

Ноль – Один.

Прыжок...

Я слышу собственное бля-я-я-я-я-ядь! Слово отражается от вогнутой плотины и эхом улетает вверх. А вместе с ним летит – рябит плотина. Ее бетонные ребра мелькают, словно в окне безумно-скоростного лифта. Воздух заполняет мои

легкие до боли, и я никак не могу выдохнуть его назад. Танковым снарядом несусь я к руслу, к самому дну реки.

Рывок? Где же рывок каната? Где толчок? Со страхом жду, но его нет.

Ноль – Ноль.

Рывка всё нет, я продолжаю падать. Пипец, это конец!

И тут толчок, еще толчок. Я просыпаюсь.

Шасси мягко коснулось полосы аэродрома, движки сработали на реверс, и жуткий гул моторов вернул меня на кресло в самолёте.

Мы приземлились.

Всё в порядке.

– Ник, – высокий крепкий мужчина с широкой белой улыбкой и с крепким рукопожатием встретил меня в зале ожидания аэропорта.

На вид ему было лет сорок пять. Одет был простовато, мешковато, со множеством карманов, но во всём удобном, прочном, теплом. Я заметил, что за его доброй улыбкой прятался внимательный и цепкий взгляд, как будто бы через прицел винтовки. А еще от этого взгляда веяло холодом, расчетом и умом.

«В суровом крае выживать сильнейшим», – подумал я.

– Макс, – я назвал и попытался улыбнуться ему в ответ.

«Улыбайтесь, господа! Улыбка в Америке это ваша визитная карточка», – вспомнились слова неизвестного мне журналиста.

– Как долетели? Не трясло? – спросил он и перехватил мой чемодан.

– Спасибо, всё нормально!

Я еле поспевал за его быстрым шагом.

Мы вышли из небольшого здания, и я сразу же оказался в поздней осени, хотя на календаре был еще летний август. Со стороны залива дул холодный ветер, который и сводил на нет потуги солнца дать тепло. Я посмотрел вверх. Там облаков немного, но небо было серым, хмурым. На небольшой парковке машин стояло мало, и все они по очереди отъезжали к парому, перевозящему их через реку в город. Мы подошли к большому пикапу премиальной марки, салон которого еще приятно радовал запахом новья.

По довольному лицу Ника я понял, что он еще не до конца успел понять, что обладает этим чудом.

– Поздравляю с покупкой, – нарушил я наше молчание и понял, что точно попал в цель. – Хороший аппарат, я его знаю.

– О да, спасибо, – он с вожденной улыбкой пристроился к корме впереди идущей машины. – Я давно мечтал о таком. У нас тут у всех или свои, или япошки, а я всегда мечтал о немце, – и он нежно погладил руль своей широкой ладонью. – А у вас тоже пикап?

– О нет, что вы, – я отвел глаза в сторону, – у нас в городе такой мерин не нужен. Мы покупаем тачки поменьше и поэкономнее.

– Слышал-слышал, – Ник длинным пальцем под рулем ловко сдвинул рычаг коробки передач наверх, – вас всех хотят пересадить на батареи. Но здесь на них не выехать ни за город, ни к другу в чужой город, ни в лес. И уж тем более зимой. Заглохнешь где-нибудь в глуши, и тебе крышка.

Ник аккуратно въехал на паром.

– Кстати, мне сообщили, что вы в руках винтовки не держали, это правда?

Он искоса взглянул на меня, и я уловил в его интонации и небольшое удивление, и капельку презрения. Как так, мужчина не имеет оружия и не умеет им пользоваться? И как такой может уважать себя, если не знает, что такое твердость рукоятки, тугость курка, точность прицела и отдача от выстрела. И можно ли такому парню доверять? Всё это улеглось в одном единственном вопросе «Это правда?».

– Почти! – твердо ответил я. – Вам нужно будет дать пару инструкций и советов.

– Окей! – Ник опять улыбнулся своей американской широкой улыбкой. – Это запросто. Стрелять не так уж сложно, как может показаться. Тут самое главное – любить свое оружие. Ухаживать за ним. Лелеять. И тогда оно не подведет вас в нужный момент. Поверьте мне, – и он опять внимательно посмотрел на меня.

«Эге, – пришла мне мысль, – да ты у нас романтик».

– Сегодня мы ночуем в городе, а завтра утром выйдем на лодке в сторону нашего острова. Там и потренируемся. Па-

ру уроков и, я обещаю, что без добычи не уйдете. Погодку на ближайшие дни обещают неплохую. Хотя здесь всё может меняться очень быстро. Вы взяли с собой теплый свитер, болотные сапоги, теплые носки, шапочку, перчатки?

– Кое-что взял, – ответил я, перебирая в уме, что же я успел купить с собой из теплых вещей в Лас-Вегасе.

– Завтра утром проверим всё ваше обмундирование и, если что, докупим рядом в магазинах. Тайга ошибок не прощает.

Наш путь от аэропорта до отеля занял меньше пятнадцати минут. Городок был небольшой. Людей на улицах почти не видно. Дома в основном двух-трехэтажные и преимущественно бежевого цвета. Чутьочку унылые, но совсем не грязные и не обшарпанные. Мы только и успели проехать верфь, почтовое отделение, одноэтажную аптеку, как уже остановились на большой, но неухоженной парковке. Ее окружали невысокие сооружения, похожие на складские помещения, а за ними строительная площадка. Возводился высокий металлический каркас.

На Аляске, видимо, как и везде, повсюду на стройке работают только несколько человек, и столько же за ними наблюдают, а еще столько же руководят.

«Везде одно и то же», – подумал я.

Через дорогу на противоположной стороне улицы стоял Express Hotel. Я полез в карман, достал визитку и сверился. Всё верно, отель принадлежал Нюре. Гостиница располага-

лась в двух трехэтажных корпусах и внешне точно выглядела, как во всех американских фильмах – стены здания были обшиты деревянной рейкой. А вот есть ли под этой дощатостью что-то, кирпич или бетон – сразу неясно. Впечатление было такое, что дом легко развалится, лишь только стоит мне легонько опереться на него плечом. Бежевый цвет рейки разбавляли зелёные маркизы. От этого вид здания был более презентабельным.

Мы перешли дорогу и вошли в холл, где приветливая администратор поторопилась к нам навстречу. Меня порадовало то, что ключи были уже заранее приготовлены, и заселение в номер заняло не больше трех минут. Да и сама комната была приличной: большой, чистой и проветренной, с широкой кроватью, на которой покоился толстенный матрас. Окно во всю стену прикрыто прозрачным тюлем, массивный деревянный шкаф. На стене, как и положено, большая плазменная панель телевизора. Очень уютно.

Я подошел к стене и убедился, что здание не дощатое. Стоящий за моей спиной Ник хотел было продолжить наше знакомство за ужином и пивом, но увидев мой угрюмый вид, деликатно попрощался, пожелав хорошего вечера. Завтра в семь он уже будет у меня, какие уже тут посиделки.

Зачем я здесь? Что мне здесь нужно?

Я лег на кровать в одежде, скинув только обувь, уставил тупой взгляд в высокий белый потолок, и на память сама собой пришла картинка из моего недавнего прошлого.

Июнь 2017 года. Москва. Диана

Сам не знаю, зачем в тот вечер я пришел на эту вечеринку. У моей давней знакомой собрался большой бомонд артистов, художников и музыкантов. Все женщины в красивых платьях и на высоких каблуках, мужчины в модных шмутках и с рыжими часами на руках. Вино, шампанское рекой, умные речи, смех и позже танцы. Но я скучал, хотя и заметил для себя одну красивую брюнетку, которая в одиночестве стояла у окна с фужером и с неприступным видом наслаждалась сиянием ночной Москвы. Я поглазел, но не решился подойти, и через час уединился в тихом кабинете.

Достал свой, обитый красной кожей, маленький блокнот, где на первой странице, на случай потери были указаны мое имя и телефон. Когда-то в детстве мне подарил его отец, и с тех пор я с ним не расставался. Он для меня и память, и особый флёр. Так родилась привычка – писать и рисовать всё только на бумаге.

Присев в глубокое кожаное кресло, я попробовал набросать свой ночной сон. Он был про скачки: ипподром, кони, всадники, ставки, зрители, ажиотаж. Я попробовал изобразить всю эту пеструю картинку в одном реальном движении, в стремлении наездников к победе. Но рука сама собой стала выводить очертания трагедии.

Страшное падение коня. Еще секунду назад этот конь был лидером в гонке, он не скакал – он летел, как будто имел крылья. Но вот его нога легонько подкосилась, затем скри-

вилась, и... мой карандаш прорисовал все контуры, штрихи. Придал тоску и горечь. Безднадежность.

Закончив рисунок, я долго в него всматривался и не мог понять, откуда ко мне пришла эта картинка. Во сне падения я не припоминал, хотя, возможно, вспомнил не весь сон.

Немного подумав, я попробовал подписать рисунок двумя-тремя словами. Но опять, неожиданно, сам собой полез коротенький рифмованный рассказ, хотя стихи я не пишу и Гёте тоже не люблю.

Мне снились загнанные кони,
С наездниками в бешеной погоне,
Они, земли ногами не касаясь,
Мчались вперед, жокеям подчиняясь.
Догнать соперника стараясь.
Вот, чистокровный верховой,
Он побеждает не впервой,
Легко он фаворита догоняет,
Как обойти его он точно знает.
И долго два коня ноздря в ноздрию бежали,
Горячий воздух паром выдыхали,
За чью-то алчность эту битву продолжали,
И дальше гнали, гнали.
И всё ж не отстаёт четверка,
Хотя восьмерку подгоняет порка.
Ее жокей не хочет уступать,
Врагу победу отдавать.

Под топот их стремление к удаче,
Кого-то позже сделает богаче,
Когда ж финальный колокол пробьет,
То неудачников отчаяние убьет.
Но адский хруст всё прерывает,
Одна из лошадей хромает,
То бедная четверка, еще немного проскакала
И перешла на рысь, и с болью молча встала.
Жокей прям на ходу с нее слетает,
Кладет коня на бок и обнимает,
Он ничего не понимает, он плачет, он рыдает,
Он бешено страдает.

Вот два врача бегут, сил не жалея,
Один хватает за руку жокея,
Насильно в сторону его толкает.
Второй снотворное коню вливает,
Безжалостной рукой его он убивает.
Всё кончено. Четверки больше нет.
Конь не увидит больше белый свет.

И всадник слёзы вытирает,
И как молитву бесконечно повторяет:

*«Азарт толпы приводит к смерти,
Вы, кони, в доброту людей не верьте».*

Едва дописав последнюю строчку, я увидел перед собой хозяйку вечеринки, которая бесшумно вошла ко мне в кабинет. В одной руке у нее были два пустых фужера, а в дру-

гой бутылка «Периньона». Я быстро закрыл блокнот и отложил его в сторону. Барышня присела на край стола, хитро посмотрела мне в глаза и подала фужер, в который потекла пузырчатая жидкость. Я залпом выпил и попросил еще, затем еще, еще.

Нашу постель я плохо помню, но утром я проснулся дома. Один и без блокнота. Его долго искали, но так и не нашли.

Сказать, что я расстроился, ничего не сказать. Блокнот был моим другом много лет. Я в нём записывал глупые мысли, свои безумные идеи, банальные рассказы и, конечно же, чиркал разные рисунки. А еще эта тетрадка была моей второй памятью. Я вел дневник, хоть и не часто. И вот теперь я его глупо потерял.

Оставалась одна маленькая надежда, что кто-то из гостей так пошутил и вернет его мне. И правда, звонок раздался через пару дней. Приятный женский голос не спеша поинтересовался моим именем и не терял ли что-либо на прошлой вечеринке.

Я подскочил от радости на месте.

– Конечно, терял! Где он? У вас? Я даже заплачу!

– Нет, ничего не надо, – как-то разочарованно ответила девушка, – но вот от кофе я не откажусь.

– Кофе? – переспросил я, надеясь, что разговариваю именно с той самой брюнеткой, которая стояла у окна. – А может быть, мы еще и поужинаем вместе?

– Знаете, – она взяла пятисекундную паузу, как бы оцени-

вая самую правильность такой идеи, – я должна вам кое в чём признаться. Без разрешения я прочитала несколько рассказов в вашем блокноте. И последний тоже. Про скачки, про четверку. Должно быть, это плохо, но я не удержалась.

– Да ничего страшного, – я как-то тоже растерялся.

Но мне это совсем не понравилось, всё же мой блокнот нёс в себе личное, и я как-то и не думал, что кто-то посторонний может его читать.

Но девушка уже задавала мне другой вопрос:

– Скажите, а это история со скачками, она настоящая?

– Да нет, – протянул я, – это мой сон, который я от безделья решил нарисовать. А что, ужасно получилось?

– Да вовсе нет, – сказала она уже более уверенным голосом, – очень даже интересно.

И я почувствовал, что она улыбнулась.

– А знаете, если уж вас смущает ужин, то, может быть, мы вместе сходим на ипподром. В эту субботу скачки! Вы когда-нибудь бывали на ипподроме? – и, не дожидаясь ответа, вдруг ей там не интересно, я добавил: – Я там ни разу не был, представляете!

– Тогда откуда вы знаете про скачки в эту субботу? – и она весело засмеялась в трубку.

– Если честно, то я как раз собирался впервые сделать пару ставок, вдруг повезет, – сознался я как пойманный ворюшка.

– Ставки?! – и я услышал в трубке неподдельный инте-

рес. – А знаете, я соглашусь, уговорили. Встречаемся у главного входа на ипподром за полчаса до начала. Вы меня легко узнаете, вы на меня глазели на вечеринке, но побоялись подойти. Надеюсь, не успели позабыть?

Я покраснел до всех корней своих волос.

– Нет-нет, конечно, не забыл! – и у меня отпустило на сердце. – Вот только имени я вашего не знаю!

– Принцесса, – весело засмеялась она, – меня все зовут принцесса! Знаете почему?

– Нет, откуда? – по-идиотски промямлил я.

– Мое имя... – тихо и игриво произнесла девушка с паузой, – Диана.

Вот так мы и познакомились у ворот на ипподром, где, кстати, в тот день выиграла именно четверка, на которую она уговорила меня сделать ставку. Четверка пришла первой и без падений. А сами скачки произвели на меня очень сильное впечатление, впрочем, и выигрыш поднял мне настроение тоже.

– Ну как? – взяв меня под руку, спросила Диана, когда я укладывал в карман небольшую пачку денег. – Хлеба и зрелищ? Кстати, боясь голодных бунтов, римские сенаторы раздавали хлеб для бедноты бесплатно, ты в курсе?

– Ну да. «Тот, кто боится ненависти, тот не умеет управлять», – ответил я.

– Сенека Луций! – Диана сжала мою руку и остановилась. – Ты что, можешь с ходу цитировать великих римлян?

– Нет, конечно, но в Хартвуде⁴ особое внимание уделялось истории древнего Рима.

– Просто в Хартвуде уделялось особое внимание, – улыбаясь, передразнила меня Диана, и я понял, что в этот момент заинтересовал ее.

С того дня мы и начали встречаться. Редко, потом всё чаще, но не свободно, а только тогда, когда ей было удобно. Диана всегда ловко уклонялась от моих вопросов. Кто она, откуда? Где живет, чем увлекается, что закончила, где работает? И почему она могла не отвечать на мои звонки и не появляться по много дней? А потом вдруг нагрянуть и абсолютно свободно прожить у меня неделю. А то и две, и даже три.

Ответов я не получал, но и голову себе не ломал. Ведь она и от меня ничего не требовала, не просила верности или подарков. Ни разу не брала с меня никаких обещаний. Не намекала она и на перспективы в наших отношениях. На вопросы о будущем всегда отшучивалась: «Всё будет так, как надо, даже если всё будет иначе».

Всё и так было прекрасно.

Только однажды вскользь упомянула, что если и дает советы, то только те, к которым мне стоит прислушаться. И в тот момент мне показалось, что она знает что-то больше, чем мне говорит.

На этом мозг мой отказался дальше продолжать воспоминания и погрузился в сон до самого утра.

В дверь постучали, я приоткрыл глаза, но сон меня не отпускал. Медленно, через всю свою силу воли я поднес левую руку к слипшимся глазам. Стрелки часов мне сообщили, что уже ровно семь. Ник держит слово. С трудом приподняв голову, я осмотрелся и заметил, что лежу всё в той же одежде, всё в той же самой позе, в которой вчера уснул. Ну надо же, а я и не заметил, как пролетела ночь.

Присев на кровати, и с трудом найдя обувь глазами, я за чем-то мысленно переиначил ее фразу: «Всё будет так, а не иначе».

Глава 2

Август 2019 года. Аляска. День второй

В порту находилось огромное количество небольших яхт и лодок. Одни рядами стояли у причалов, другие плавно покачивались чуть подалеже от берега. Наша лодка была небольшой – футов на пятьдесят, моторной, с просторной рубкой и с двумя маленькими каютами. Cessna для нас не только средство передвижения! Она и тыл, и вариант отхода, если погода вдруг сыграет с нами злую шутку, и мы не сможем разбить лагерь. Но солнышко пока улыбочиво светило, и на воде не было волн. И ветер свежий, и пока не крепкий.

План был несложным. На лодке к завтрашнему полудню мы должны добраться до большого острова, недалеко от национального парка. Разбить там лагерь и следующим днем выйти на охоту. Если повезет, то, может, и на крупного зверя. На карibu или снежную козу. Но встречу с гризли или

барibalом я надеялся избежать.

Ник отвязал канат, завел мотор, лодка мягко качнулась и тронулась с места. Мы плавно покидали гавань. Миновав домики на сваях и пришвартованные возле них гидросамолёты, вошли во внутренний пролив и направились к фьордам. Я встал на нос лодки и плотно застегнул куртку.

Ветер, свежо, прохладно.

Извилистый залив был окружен высоченными скалами, густо заросшими дремучей тайгой, чья зелень заставляла жмуриться глазами. Я задрал голову вверх и вдруг ощутил себя карликом с узкими плечиками и с большой головой, от которой сразу же росли короткие ноги. Местами казалось, что скалы своими макушками уходят в самое небо, глубоко пронизывая облака и задевая космос. А там под облаками парили белоголовые орланы, да не по одному, а целыми стаями.

Мы прошли мимо одиноко стоящего высокого острова-скалы, на самой вершине которой гнездилось их большое семейство. Такое количество орлов одновременно мне было трудно даже представить, не то чтобы за раз увидеть. Я долго глядел на это завораживающее зрелище и смог перенести взгляд на воду только тогда, когда они исчезли вдалеке.

Передо мной стелилась холодная гладь, из которой нет-нет да выпрыгивали небольшие рыбёшки. Они забавно, со смешным шлепком ныряли назад в воду. Чуть далее передо мной открылась панорама гор, на чьих вершинах белым по-

кривалом лежал тяжелый снег. Он таял на солнце, сбегал по склонам и превращался в водопады – часто жутко шумные и ужасно холодные. Мне не часто доводилось видеть водопады, даже и не вспомню где и когда. А тут высокие, местами быстрые, местами широченные. На них можно смотреть как на огонь – не отрывая глаз и бесконечно. Проплывая мимо их каскадов, я даже не обращал внимания на стужу, которой веяло от них.

А затем я увидел огромные голые скалы. На них совсем не было деревьев.

Ник объяснил мне, что когда-то это был огромный ледник, но он давно уже растаял, оставив после себя промерзшую землю. На ней еще долго не будет никакой жизни. Но жизнь вовсю кипела рядом. Большое количество лодок на воде, а в небе уйма гидропланов. Они назойливо кружили в воздухе, облетая гордые скалы и часто низко барражируя над водой.

Мой молчаливый инструктор всё же поведал, что в этих местах есть тысячи экскурсионных троп и специальных маршрутов. И в летнее время здесь просто пробки от туристов, охотников и рыболовов. Все они слетаются сюда на гидросамолётах или приплывают на огромных лайнерах, которые мы видели в порту. Но у нас с Ником свои цели. Мы в заповедник не пойдем, а будем идти дальше, на одинокий остров, где никакие туристы нам не помешают.

Всё увиденное меня так заворожило, что на какое-то вре-

мя позабыл, как еще с утра чувствовал себя полностью одиноким на этом краю земли. Но я не стал в себе копать и вспоминать, зачем и почему сюда попал.

Простояв целый день на носу лодки и окончательно замерзнув, я попрощался с Ником и спустился в свою каюту. Перекусив тушенку с хлебом, запив ее простой водой, забрался с головой под одеяло, да так, чтобы своим дыханием себя же самого согреть. Уже через пару минут я так крепко уснул, что в этот раз мне ничего не снилось. А может быть, и снилось, да я не помнил ничего, когда очнулся утром.

Открыв глаза, я ощутил себя выспавшимся и здоровым, с хорошим настроением, как в детстве, когда заботы на тебя с утра не давят.

Светало тихо и прозрачно. Я умылся, глотнул холодной воды из фляги, размял кости короткой зарядкой и поднялся на палубу.

Ник уже суетился над завтраком. В отличие от меня он не испытывал особую радость в теле. Я поприветствовал его, сильно уставшего, и понял, что спал он ночью мало, поэтому не стал лезть к нему с никчемными разговорами. Мы оба присели у стола. Горячий кофе и пару бутербродов прекрасно утолили голод, но очень захотелось шоколада. Однако спрашивать о нём не стал.

Осмотревшись вокруг, мне показалось, что мы ушли туда, где только дикая природа и никаких признаков человеческой деятельности.

К полудню Ник сбавил ход, и мы пошли вдоль берега к нашей конечной цели. Еще через полчаса он повел яхту совсем плавно в поисках хорошего места, где можно будет бросить якорь. Нужно было учитывать большие колебания уровня воды при отливах и приливах. Ник прошел еще чуть дальше, нашел небольшой залив и бросил якорь приблизительно в полумиле от берега.

Взяв ружья, рюкзаки, палатки, мы перелезли в маленькую моторку. Она вместе с байдаркой всё время шла на привязи за нами. На ней мы и отправились к берегу. Мой опытный инструктор сказал мне, что байдарку мы будем использовать как грузовой прицеп для мяса, если кого-нибудь добудем.

«Никогда бы сам не догадался», – подумал я.

Уже на берегу Ник расчехлил винтовки и передал один из стволов мне. Это был легендарный карабин Ruger-416, выполненный из нержавеющей стали, очень прочный, надежный и безопасный. Я заранее погуглил и попросил себе именно эту модель. Легендарная винтовка может валяться в грязи, падать с горы, тонуть в ручье, но продолжать стрелять. В ее затвор может песок набиться, и дождь мочить нещадно, но Ruger будет продолжать стрелять. И притом этот карабин прост в обслуживании и разбирается только двумя руками. Безо всяких там дополнительных инструментов или ухищрений, что тоже очень важно для меня как новичка в охоте.

Под удивленный взгляд Ника, я внимательно посмотрел в оптику. Как я и хотел, она была с небольшим увеличени-

ем, что хорошо подходит для винтовки с большой отдачей. А вот для гашения той же самой отдачи на затыльнике приклада специально для меня был закреплен резиновый амортизатор. Ник еще больше округлил глаза, когда я ловко передернул затвор и стал вертеть ружье в руках. Оно было слегка смазано и почищено. И главное, как я и просил, оно было не новым, а значит и проверенным годами.

Все мои пожелания Ник выполнил безукоризненно и точно.

– Прицел я уже пристрелял, – с вызовом в голосе произнес Ник, – метров на сто. Целься чуть выше, но ты, похоже, это знаешь!

Я благодарно мотнул подбородком в ответ.

Мы уверенно двинулись вглубь леса, и моя винтовка при ходьбе совсем мне не мешала. Скорее наоборот, ее прицел стремился к глазу, чтобы поймать мишень. Крючок ждал твердость пальца, ну а приклад просился лечь в упор плеча. Откуда взялись во мне эти охотничьи инстинкты, я не знал.

«Азарт, – подумал я. – Опять азарт меня одолевает!» И нехорошие предчувствия, которые так мучали меня последние недели, на время испарились. И даже молчаливый Ник мне показался другом.

Да, Ник, я немного тебе приврал, когда сказал, что не умею стрелять. Умею, но не люблю, да и давно я не держал в руках винтовки. Однако, это поправимо, если охота началась. Но прежде нам предстояло найти хорошее место, что-

бы разбить наш лагерь.

Я шел за Ником с огромным рюкзаком за плечами. В нём было всё необходимое. Котелки, сапёрная лопатка, два фонаря, аптечка, зажигалки, рабочие перчатки, туалетные салфетки, веревка, тент, стальная проволока, мешки для мусора и всякая другая мелочь.

Ник не только тащил на себе провизию и две наши палатки, но и по ходу движения успевал давать мне точные наставления.

– Надо найти место где-нибудь повыше, чтобы приливом не умыло, – я еле поспевал за ним, – но рядом с берегом, с хорошим обзором и, главное, без звериных троп. Палатки ставим рядом, кухню от них подальше, в метрах двадцати, и на ночь ее оставляем не просто чистой, Макс, а стерильной, без единого запаха и без грамма еды. Обертки там, бумагу, тару, другой мусор сжигаем сразу, и чуть подальше, а вот пустые банки уносим далеко и закапываем их в землю поглубже, на тридцать-сорок сантиметров. Да, и главное, на ночь в палатку ничего съестного не берем. Никакой сгущенки, шоколадки или чипсов. Всю провизию храним в подвешенных на ветках рюкзаках возле кухни. Если же ночью захочется пописать, дальше двух метров от палатки не отходим. Оружие всегда держим рядом. Да, вот еще что. Придется по очереди просыпаться и подкидывать дрова в костер. Желательно, чтобы огонь горел всю ночь. До самого утра. Сегодня твоя очередь как новичка!

По его тону – тону хозяина положения, я чувствовал, что он хочет задать мне один прямой вопрос: «Тебе всё понятно, парень? От этого зависит не только твоя, но и моя жизнь». Но всё же я клиент, и со мной ему надо оставаться деликатным. Хотя какая уж тут деликатность, если мы оба в таёжных условиях.

На Аляске любят повторять, что ошибиться можно лишь один раз, ведь третьего раза просто не будет. Какие уж тут сантименты, когда вокруг одно зверье, а на плечах висят винтовки.

– Я всё понял, Ник, – ответил я на не озвученный им вопрос, – я не подведу.

– Окей, – и он впервые за всё это время искренне улыбнулся, не по-американски, – тогда порядок.

Через три часа поисков, когда мои ноги уже ныли, мы, наконец, вышли на хороший выступ и осмотрелись. Плато было небольшим, недалеко от воды, но на возвышенности, как и хотел Ник. Кое-где стояли деревья, но середина был пологой и пустой. То что надо, понял я и по знаку Ника опустил рюкзак на землю, который по моему ощущению прибавил в весе килограммов пять.

Следующие несколько часов у нас ушли на обустройство стоянки. Ник хорошо знал свое дело. Две палатки он поставил на ровное сухое место, чуть подальше от нависающих тяжелых веток, предварительно уложив всё лапником. Вход в них он направил на восток, чтобы встречать утреннее солн-

це.

– Это не только приятно, – пояснил он мне, – но и важно, чтобы палатка быстро просыхала от ночного конденсата.

Он очень глубоко вбил в землю двойные колья, прицепил к ним штормовые оттяжки и несколько раз их проверил. Только когда он убедился, что ветер не сорвет их с места, палатки были признаны готовыми. Перед ними в метрах пяти мы вырыли не слишком глубокую, но широкую яму для ночного костра. Затем мы приступили к обустройству кухни. Ее решено было разместить чуть поодаль, возле деревьев. Я получил от Ника первое задание, насобирать сушняк – сучьев и мох для розжига костра. Натаскав их из лесу довольно большую грудку, я тут же получил второе поручение. Теперь надо собрать сухие ветки, да побольше. Сразу дней на пять.

– Ветку желательно проверять на сухость, ломая ее ногой или рукой, – обучал меня Ник. – Если треск резкий и звонкий – бери. Если гнется, то не надо. Но далеко от лагеря не уходи.

Ник уже давно, как самовольно перешел со мной на ты, но мне это даже польстило. Может, признал своим?

Еще через час мы разожгли костер, присели, поглазели на него и принялись за поиски лавочки. Пройдя вглубь леса, я первым обнаружил хорошее бревно. Ник небольшим топориком обрубил с него ветки и сучки. Кое-где поддел сухую кору и ловко ее счистил. Сделав в середине бревна зарубку, он вручил мне свой топорик.

– Руби, – сказал он, – нам нужно два бревна, иначе не дотащим.

Мне показалось, что это было своего рода проверкой, ведь мы могли найти и два бревна покороче, которые донести было бы несложно. Но я не стал перечить. И бодро принялся махать топором.

Удар слева, удар прямо, щепку вынимаем. Через пять минут я снял куртку, а еще через десять, мне захотелось снять и свитер. Но Ник остановил.

– Присядь, обсохни, но свитер не снимай. Запомни, в тайге необходимо контролировать свой тепловой баланс, особенно зимой, когда ни в коем случае нельзя потеть и мокнуть. Иначе не заметишь, как ты замерзнешь, заболеешь, сляжешь.

Вскоре мы уже укладывали два бревна под прямым углом возле костра. К этому времени меня стали мучать голодные рези в желудке, и пока я над костром устанавливал две рога-тины с прочным прутом поперек, на котором вот-вот должен был повиснуть котелок, Ник прикатил два плоских камня и положил их возле бревен.

Прям ресторан и только!

Я был в предвкушении трапезы, а всё происходящее уменьшило мои муки совести, терзавшие меня последний месяц.

– Нет, – вздохнул я, вывалив в два котелка тушенку и долив речной воды, – совсем не зря я пролетел сюда через пол-

мира.

И нарезав толстыми кольцами лук, наломав кусками хлеб, я присел возле огня. Запах леса и приглушавший его аромат костра пьянил меня нещадно, гораздо больше, чем коньяк в красивой фляжке, которую предусмотрительно я прихватил еще из дома. Ник от коньяка отказался и достал свою флягу. Конечно же, с виски. Мы выпили по глоточку, и оба молча и устало уставились на пламя.

Я опять попробовал медленно поразмышлять над тем, что несмотря на то, что за весь день мы с Ником разговаривали очень мало, нас всё-таки что-то успело сблизить. Общее дело и тайга?

– Ты первый раз здесь, на Последнем рубеже, Макс? – нарушил молчание Ник.

– Ага, – промычал я, пережевывая хлеб с луком, – впервые. А почему ты спрашиваешь?

– Да так просто. Здесь особое место – оно не для всех. К нам сюда едут со всех штатов. Кто за чем. Кто-то за красотами и одиночеством, кто-то понять и разобраться в себе самом, кто-то пожить как в старые и добрые времена, когда всё было проще. А кто-то от чего-то или кого-то. Женщины часто бегут от яростных мужей, а те нередко здесь прячутся от закона. Даже от мафии сюда сбегают. Но всех их ждет тяжелое испытание – первая зима. Большая половина с первым теплом мчится обратно. А ты почему сюда приехал? К нам даже на охоту случайные люди не попадают.

– А куда попадают случайные люди на охоту? – искренне удивился я этому утверждению.

– В Африку, на сафари! – не задумываясь, ответил Ник. – Из безопасного пикапа бить в беззащитное зверье, чтобы сделать с ними селфи и выставить в инсту. Нет, настоящий охотник стреляет в зверя не ради забавы, а по естеству природы, понимаешь? Чтобы выжить, чтобы прокормиться. Но ты не из таких.

Мне показалась, что в его словах была нескрываемая издевка.

– Не из таких! Я не охотник. Но вот сдаётся мне, что нынче мы будем убивать как раз ради забавы, – я опять сделал маленький глоточек конька, – а не ради еды. Или не так, Ник?

– Не так, Макс, всё, что мы с тобой настроляем, я заберу себе на зиму. И буду этим жить почти что до весны. Мало того, здесь принято, убив зверя, говорить ему спасибо. Спасибо за то, что ты получил его мясо, а значит, сам продолжишь жить. Вот как-то так. А ты как думал? Кстати, я тебе не успел еще сказать, что мы не на острове, как планировали по программе.

– В каком смысле – не на острове? – переспросил я.

– Я притащил тебя в свое место. Здесь гораздо лучше, чем на том пустом острове, хотя и много дальше. В этом углу тайги проходят тропы карибу, волков и барибалов. Здесь «золотая» речка, которая кормит медведей, и я подумал, что тебе

захочется сходить на гризли. В этих местах их много. Нюра сказала, что ты мечтал побывать на настоящей охоте и, может быть, решишь даже подольше погостить. Это так?

– Да-да, – я поперхнулся коньяком, часть которого попала мне в носоглотку и обожгла огнем, – всё верно. И погостить немного.

Я был в ауте и в настоящем шоке. С какой это стати?

С какой это стати по просьбе Нюры мы пойдем стрелять не в стаю бегущих и безобидных оленей. Не в тяжелого и неповоротливого лося, в которого и промахнуться-то, наверное, непросто. Нет! Мы пойдем охотиться на безобидных ко-солапых мишек.

Нюра, я только и мечтал об этом, спасибо! Но это ладно, а что значит – остаться? Об этом речи, вообще, не было. Может быть, Ник ее не так как надо понял?

– Молодец, Макс! – Ник с любопытством разглядывал мою реакцию. – Если мы всё же забудем гризли, то я обещаю отдать тебе его шкуру. Уж поверь мне, она стоит не только денег. Она будет бесценна для твоих воспоминаний.

Он встал, подошел к своему рюкзаку и достал из него большой белый свисток, повертел его в руках и передал мне.

– На возьми, это отпугивать медведей и волков, – сказал он с серьезным видом, а я при этом весело засмеялся, вспомнив бородатый анекдот про глухую акулу.

– Ты зря смеешься, – он присел обратно на бревно, – первое правило в тайге, это вести себя шумно. Ты показываешь

зверю, что ты рядом, что это твое место, что ему сюда нельзя. Поверь мне, это помогает.

– Хорошо-хорошо, – я взял в руки маленькую пластмассу и подул в нее.

Звучал свисток не по-детски громко и очень резко. Звук неприятный.

– И правда, пугает.

Я посмотрел на Ника, но он уже думал о чём-то о своем, и пропустил мои слова мимо.

– Скоро наступят холода, – он посмотрел на небо, затем вокруг себя, принялся к чему-то в воздухе, как зверь, и продолжил: – Здесь только два времени года, и они меняют друг друга неожиданно и очень быстро. Аляска тяжелая земля для выживания, причём для всех – и для больших, и малых, и сильных, и слабых. Для медведя, лося, карибу и рыси, и даже для лосося. Ну и для человека тоже, хоть мы с тобой и на самом верху всей этой пищевой цепочки, но только с оговоркой.

– Если у нас в руках есть ствол? – спросил я.

Ник стал скрести ложкой по дну пустого котелка, затем оторвал зубами кусок горбушки и зажевал всё свежим и хрустящим белым луком.

– Верно, Макс. Если у нас в руках есть ствол. В этом месте нельзя ошибаться. Ни на грамм. Одна маленькая ошибка, и ты можешь потерять свою жизнь. Или еще хуже – чужую. Здесь за год гибнет огромное количество людей. Нет, не

туристов, те ходят с гидами проторенным маршрутом, смотрят красоты с палуб, живут в отелях или на тех же огромных лайнерах. Другое дело – охотники, рыбаки, ну и всякие там умники, которые очень любят изучать природу. Только вот охотники привыкли выживать, а рыбаки и умники частенько попадают в передряги.

Ник еще раз отхлебнул из фляги.

– Если честно, – продолжал он, уже немного охмелев, – я с неохотой выполнил просьбу Нюры. Ты же папенькин сыночек, ни разу не бил зверя, в тайге не выживал. С такими в лес не ходят.

– Так в чём же дело? – спросил я, насторожившись. – За чем согласился?

– Она хорошо заплатила, Макс, – он снова сделал глоток. – А мне нужны деньги. Только пушниной прожить непросто. Но ты вроде так ничего, нормальный парень, – он чокнулся своей флягой об мою. – Давай, Макс, за наше знакомство!

– Спасибо, конечно, Ник, но я не папенькин сыночек, и с ним не виделся уже давно. Лететь сюда я тоже не горел желанием, но обстоятельства сложились так, что дома оставаться было невозможно.

– Проблемы с законом? – спросил он.

– Нет, не совсем, – я тоже сделал очередной глоток и решил поменять тему. – Кстати, с карабина мне как-то стрелять всё же доводилось. Но я с того раза больше не хотел его брать в руки. Не особо удачный опыт.

Ник внимательно и с любопытством посмотрел на меня.

– Надеюсь, из-за тебя никто не пострадал? – в голосе Ника прозвучала нотка тревоги.

– Нет, Слава Богу, – ответил я, – в тот раз я сам чуть не погиб.

– А-а-а, – протянул Ник, – тогда понятно. Я тоже удивляюсь, как все остались живы, когда я первый раз в девять лет пальнул из отцовского карабина. От страха чуть в штаны не наложил, – Ник по-детски улыбнулся. – Отец меня чуть насмерть не забил. Но после этого случая научил меня, как правильно с оружием обращаться. А в двенадцать уже брал на охоту. С шестнадцати я стал сам часто пропадать в тайге. Правда, далеко не уходил, побаивался. Брал с собой всегда моих любимых Тайтму и Ханти. Два сильных зверовых пса! – в глазах Ника промелькнула скорбь. – Они меня частенько выручали.

Ник посмотрел на небо, куда-то вверх, как будто там его кто-то должен был услышать. Мне показалось, что глаза его намокли.

– Охотился я тогда в основном на мелкотню, на зайцев и пернатых. А вот лет с восемнадцати уже уходил в тайгу надолго. Правда, отец заставлял меня всегда брать с собой рацию и выходить на связь в строго оговорённые часы. Особенно после одного жуткого случая.

Ник замолчал, задумался, и наступила пауза.

– Что за случай? – спросил я, не удержав в себе оправдан-

ное любопытство.

– Хочешь послушать? – спросил он. – Ты ж не поверишь!

– Почему? – вопросом на вопрос ответил я.

– Ладно! – Ник как-то тяжело вздохнул и начал: – Как-то раз на охоте, уже ближе к вечеру отец с другом подстрелили карibu. Освеживали, взяли лучшие куски и двинулись назад, к деревне, так как до дома было далеко. И тут навстречу к ним выходят две фигуры, тоже два охотника. Поздоровались, поздравили с добычей и пригласили к себе в лагерь, согреться, выпить, отдохнуть, ну и поесть, конечно.

Ник опять приложился к фляге. Смачно покатал во рту виски и медленно с удовольствием его проглотил. Он не спешил продолжать.

– Ребята оказались неплохими. Ну, отужинали вместе, байки там всякие как нужно потравили и заночевали. А утром, тепло распрощавшись, разошлись.

Только вот когда вышли к той охотничьей деревушке, то увидели щит, а на нём фотографии охотников, пропавших в тайге. Много фотографий. Старых, новых. И среди них те двое, с которыми выпивали. Местные им тоже подтвердили, что эти оба пропали пару месяцев назад, но одного уже нашли. Мертвым. Вот только фотографию забыли снять со стенда. А второго нет. Отец, никогда не веривший в такие сказки, еще долго пребывал в смятении и месяц не отпускал меня в тайгу.

– Жуткая история, – тихо подал я голос, не веря в такие

охотничьи байки.

– Я тоже поначалу мало в это верил, – читая мои мысли, продолжил Ник. – Но тайга место особое. Дикое, страшное и мистическое. Я многому здесь удивлялся. Так что мы, аборигены, в такое верим. Может, поэтому и живы до сих пор. А вот тебе не надо. Ты здесь всего лишь на недельку.

Ник поднял фляжку, сделал ей кивок верх – вниз в мою сторону и опять отхлебнул.

Затем закрутил крышку, сунул флягу в куртку и сказал:

– Ладно, сейчас нам надо не этого бояться, – он опять посмотрел на меня холодным взглядом. – Чуть ниже, ближе к воде я видел следы. Не свежие, думаю, им несколько дней, три или пять. Это гризли. Нам ночью лучше быть начеку, поэтому нельзя сегодня увлекаться! – он кивнул в сторону моей фляги. – Ляжем сейчас, пораньше. Всё на сегодня! Не забудь, этой ночью ты подкладываешь брёвна.

Громко икнув, Ник устало поднялся и медленно пошел к своей палатке.

– Захочешь ссать, не отходи дальше двух метров!

И он исчез в своем шатре, а я, подкинув в костер брёвен, остался сидеть в задумчивости и таращиться на огонь. Но очень быстро холодало, и я тоже залез в спальный мешок в своей палатке. Мне не давали покоя мысли о гризли, который где-то тут бродил недалеко. Я надеялся, что едкий дым от костра его отгонит, и он к нам в лагерь не придет.

«Может, достать свисток, как Ник учил?» – я мысленно

сам себе улыбнулся, но всё равно было жутко. Всё же медведи всеядны, очень умны, опасны, и здесь им некого бояться. Они хозяева Аляски, хотя знаю, что медведи, как и волки, стараются избегать встреч с человеком. Тот может быть с ружьем. «Конечно, – продолжал тянуть я мысль, – бедным медведям и без нас своих забот хватает. Биться за свою территорию, за место у реки, когда идет лосось, или за ту же самку. Но если он голодный, то, может, и ружье ему не страшно».

Я лежал и прислушивался к каждому шороху. И всё же скоро свежий воздух, сытость и усталость победили. Дремота одолела, и мне приснился сон, что я в прицеле черных глаз медведя. Уверенно и не спеша он шел за мной, а я бежал, но как-то очень медленно, как будто в чём-то ноги вязли, и он всё время за моей спиной. Еще чуть-чуть, и он меня догонит, одним ударом похоронит. А впереди меня обрыв, и дальше было некуда бежать. Надо стрелять, но нечем, ружье я где-то обронил. Медведь остановился, присел на попу неуклюже, вытянул вперед задние лапы и больше не спешил. И завладел мной мерзкий страх. Мне суждено погибнуть? В когтях медведя? Испуг и паника меня скрутили, и я не мог пошевелиться. Попробовал кричать, но вместо крика вылезло мычание, и я очнулся.

Глава 3

Август 2019 года. Аляска. День третий

Воздух в палатке был влажным, спёртым и противным. Бетоном затекла рука, спина не гнулась, и в теле полный дис-

комфорт. Я через силу сделал маленькую щель в глазах и разглядел перед собой фигуру. Сидя на корточках, кто-то легонько тряс мое плечо.

Где я?

Нащупав замерзшими пальцами язычок от молнии, я медленно открыл свой спальный мешок и высунул нос.

– Ник, дружище, какого чёрта? – спросил я. – Который час?

– Я тут утром потоптался, – Ник как будто и не слышал мой вопрос, – и нашел следы карибу. Где-то рядом бродит большое стадо. Вздрогни, Макс, выходим через десять минут, поторопись.

– Куда поторопись?! А зубы чистить, а умыться? А выпить кофе, съесть круассан? – но мои последние слова уже летели ему в спину.

Он выполз из палатки, и я услышал его быстрые шаги.

«Что я здесь делаю?» – зло подумал я и полез следом.

Через полчаса мы уже молча двигались вглубь леса. «Откуда в тайге может бегать большое стадо карибу?» – подумал я, но посмотрев на хмурое лицо Ника, вопросы задавать не стал.

Еще через полчаса мы вышли на открытое пространство, где уже редко росли хвойные деревья. Перед нами открывалась долина с мелкой речушкой. На возвышенности, откуда было очень хорошее обозрение всего пространства, Ник достал бинокль и поднес его к глазам. Мне бы и в голову не

пришло взять на охоту бинокль, ведь есть же оптика на винтовке. Но Ник очень долго и внимательно вводил им то вправо, то влево.

– Карибу где-то здесь, – произнес задумчиво Ник, – вот их следы. Мы затаимся на тропе, они обязательно здесь пройдут. Плохо будет, если они окажутся на том берегу, тогда пиши пропало – мы можем не успеть ее перейти.

Мы прошли чуть дальше, но вниз спускаться не стали.

Замерли.

Никого.

Я приотстал и стал разглядывать природу. Кроме редких тёмно-зелёных хвойных деревьев и мелко-мутной водной артерии, всё вокруг красиво желтело. И при этом небо над нами было очень контрастным к долине. Холодным, светло-синим, а облака, причудливо выстроившись в ребристый узор, очень низко над нами нависали. В воздухе подавал звук только ветер, который, казалось, был очень широким и медлительным. Его мягкое прохладное объятие призывало лениво лечь спиной на землю, сорвать и пожевать тростинку, закрыть глаза и помечать. А лучше ни о чём не думать.

Ни о чём не думать, разве такое возможно?

А может ли наш мозг вообще не думать, или в нём всегда идут какие-то процессы независимо от нашего желания? Постоянный сбор информации, быстрый анализ, затем выводы и, наконец, подача сигналов к действию? Про человека можно сомневаться, а вот у животных, похоже, этот процесс

постоянный. Им надо выжить, поэтому их слух, обоняние и зрение должны всегда быть начеку. Во время поедания добычи, ленивого отдыха и даже сна. А во время спаривания мозг у них тоже на дежурстве? Кажется, нет.

– Они рядом, – прервал мои нелепые размышления Ник. – Давай, идем, хватит глазеть. Нам нужно спешить, похоже, что они всё-таки на той стороне, и нам надо найти брод через речку.

Мы спустились вниз и пошли вдоль по течению. Там, где берега сужались, перейти реку было невозможно, но Ник углядел впереди заводь, после которой течение делилось на два рукава и сильно мельчало.

Он показал мне рукой в ту сторону и быстро побежал вперед, набирая скорость. Я дернулся за ним, еле поспевая, так как почва под ногами была ухабистой. Местами кочки, местами ямки, местами ветки, камни, скользкий мох. «Тут как бы ногу не свернуть!» – мелькнуло в голове, но уже совсем скоро мы перешли, и я смог присесть передохнуть.

Ник же остался на ногах и продолжал внимательно прислушиваться к любому шороху, вглядываться в любое движение. А еще он не просто глубоко втягивал в себя прохладный воздух, он его пробовал на вкус, жевал, делил на части и оттенки. Суженные в узкую щелочку глаза прицельно смотрели вперед. Да-да, не по сторонам, а только вперед. Передо мной стоял не человек, не охотник, передо мной стоял особый хищник. Настоящий зверь и человек разумный.

Где он узрел оленей?

Нет никого. Я еще раз обвел взглядом всю долину. Тишина и покой, как и десять минут назад.

– Здоровые самцы. Их много, – сказал тихо Ник, – они жирные и поднимаются по склону.

– По какому склону, Ник? – шепотом спросил я, пытаюсь, наконец, понять, где же это невидимое стадо жирных оленей.

И тут произошло неожиданное. Воздух наполнился стуком копыт. Внезапно, отчетливо и громко. И этот топот пёр на нас. Сотни копыт стучали о землю под давлением тяжелых туш. Эти частые удары превратились в один долгий грохот, внутри которого шла мелкая дробь. В памяти всплыл Бонзо⁵ с его невероятной гениальностью стучать по барабанам вопреки привычным всем канонам. И этот топот не поддавался никаким правилам, но при этом тоже имел свою, особую и красивую мелодию. Шум приблизился совсем близко, и в какой-то момент я подумал, что сейчас из этой чащи вынырнет тяжелый старый медный тепловоз и размажет меня как божью коровку.

«И почему как божью коровку?» – я мысленно спросил себя. Но уже в следующий момент, услышав громкий крик Ника, я глупые вопросы больше себе не задавал.

– Вниз! Вниз! – Ник отчаянно махал мне рукой, указывая, чтобы я присел и спрятался в зарослях.

И они появились.

Крупные, рогатые, красивые и быстрые.

Они мчались мимо нас от речки на пригорок. Вел за собой всё стадо большой красавец с огромными рогами. Мощно отталкиваясь задними ногами, он парил в воздухе и мягко опускался на передние. Эти движения мне чем-то напомнили заячьи прыжки, только пролетал вожак не метр или два, а как минимум семь-восемь. На небольшом расстоянии от него бежали еще пять-шесть оленей. Все тоже крупные и, как мне показалось, все самцы. А уже за ними двигалось всё остальное стадо. Ветер был в помощь, он дул на нас.

Ник прицелился и сделал первый выстрел. Я внимательно взгляделся в стадо, но потерь в нём не обнаружил. Олени продолжали от нас удаляться. Тогда он быстро передернул затвор, но тот заклинил. Опустив ствол вниз, пытаюсь справиться с проблемой, Ник выругался долгим и отборным американским матом, который меня очень рассмешил.

– Давай же, – взмолился он в конце тирады, – давай!

Наконец он дослал второй патрон и заново прицелился. Для меня всё происходящее напоминало просмотр замедленного черно-белого кино. Вот Ник опять замер, и мне показалось, что он сейчас сам пролезет в свой прицел, и сам же пулей полетит в оленя. Но он медлил, а олени уходили. И вот, наконец, прозвучал короткий громкий хлопок, затем отдача от карабина, Ник пошатнулся, успел закрыть-открыть глаза и медленно, виновато опустил винтовку. На его лице была слабая улыбка нашкодившего пацана, и эта улыбка была обращена не ко мне. Нет. Скорее всего, к самому себе.

– Ты опять промахнулся?

– Готов! – коротко произнес он и закинул оружие на плечо. – Один есть.

– Как это? – я так и не увидел в кого он попал. – Который?

– Сейчас увидишь!

И он двинулся туда, где только что олени протоптали целую дорогу.

– Отлично, у нас есть карibu на эти дни.

– До твоего выстрела я их почти не видел, – я шел за ним как школьник за жестокой училкой. – Как ты их почуял, ведь их не было ни видно, ни слышно.

– Сначала я услышал их слабый топот, потом ломающиеся ветки деревьев, потом их всхрапы, – мы подошли к лежащей туше. – А вот и он.

Я посмотрел вниз и увидел перед собой молодого, некрупного карibu с короткими рогами. Он лежал на боку, шеей подавшись вперед и согнутыми назад ногами, как будто бы хотел и дальше побежать, догнать свое родное стадо. Мне стало не по себе, мы забрали у природы совсем еще юную жизнь. А мать? Я подумал о самке, которая сейчас в панике ищет свое чадо, и о том, что если бы не я, то этот малыш имел бы все шансы стать в будущем и вожаком.

– Такова жизнь, Макс – тихо произнес Ник, – мы здесь стараемся не убивать больших самцов. Они дают хорошее потомство. Да, этот сеголетка еще молод, но поверь мне, он не мучился. Я остановил его точным попаданием в голову.

Он присел с ним рядом, взял крепкой ладонью его за короткий рог и повернул к себе неподвижную морду. Глаза были открыты, как будто бы смотрели в черный космос, а из небольшой пасти виднелся красный язычок.

«Мозг этого существа больше не получает и не обрабатывает сигналы, он больше не предупреждает об опасности и не призывает к движению. Мозг ни о чём уже не может думать, он умер каких-то пять минут назад. Короткая погасла жизнь!» – совесть проснулась, чтобы меня мучить.

Между тем Ник повернулся в другую сторону и посмотрел на стадо, которое остановилось от нас где-то в километре. Он опять достал бинокль и долго рассматривал оленей. Наконец оторвался от этого занятия, взглянул на меня и прочитал мои мысли.

– Кончай пускать здесь слюни, – глаза его были колючие и даже недобрые, – ты на охоте, Макс.

– Ты хочешь еще одного подстрелить? – не обращая внимания на его бестактность, спросил я.

– Нет, Макс, – он достал из кожаных ножен свой небольшой сверкающий нож и стал его точить о камень, – я просто смотрел – не ранил ли кого своим первым выстрелом. Но, Слава Богу, промахнулся. А теперь, друг мой, пора разделять тушу, и сделаешь это ты. Окей?

– Окей, – ответил я деланно бодро.

И хоть я не очень хотел заниматься таким делом, но понимал, что это будет для меня очередной проверкой.

– Надеюсь, ты не боишься крови? – он улыбнулся и, не дожидаясь ответа, сразу же продолжил: – Итак, первое, что нам необходимо сделать, это подвесить оленя за ноги головой вниз. Затем надрезать шейную артерию, слить кровь и выпотрошить внутренности.

Ник хитро улыбнулся мне, нашел глазами ближайшее дерево, и мы вдвоем подтащили к нему тушу. Обмотав веревку за его задние ноги, мы с трудом подвесили оленя на широкой ветке.

– Процесс этот простой, но не самый приятный, – и он вложил мне в руку нож. – Первый надрез делается по шкуре, от паха до грудины, которую ты тоже осторожно вскроешь. Сними куртку и закатай рукава по локоть.

Потрогав пальцами острое лезвие, я надрезал кожу в самом низу живота туши и стал осторожно двигать к шее. Крови было не много, но нож все равно стал липнуть к ладоням. Но не это было самое гадкое. Мне предстояло голыми руками выпотрошить оленю все внутренности.

– Подожди, пока стечет вся кровь, и, осторожно подрезая, вытаскивай дерьмо наружу, – как будто о чём-то совсем будничном наставлял меня Ник.

Вскрыв брюшину, я с отвращением бросил короткий взгляд вовнутрь и стал осторожно доставать большой серый скользкий мешок, за которым уютно прятались кишки. Как ни странно, но справился я с этим делом без рвотных рефлексов. Покончив с ливером, я наткнулся на заполненный

жидкостью мешочек, который болтался внутри.

– Это мочевого пузыря, Макс, – сказал Ник, протягивая мне небольшой полиэтиленовый пакет, – если ты его неосторожно надрежешь, то примешь соленый душ, и половину туши ты испортишь. Сначала засунь его в пакет и осторожно отрезай как можно выше. Только ни капли не пролей.

Я подумал, что вот сейчас-то меня и стошнит, но как стойкий солдат, набрав в легкие побольше воздуха и держа в левой руке пакет с пузырем, я правой сделал срез у самого основания. Медленно, очень медленно я потянул всё это на себя, сделал осторожный шаг назад и брезгливо бросил пакет подальше, чем очень рассмешил Ника.

– Ладно, дружище, – Ник с улыбкой осторожно взял у меня нож, – на сегодня, похоже, с тебя хватит. Можешь помыться в речке, а с остальным я справлюсь сам.

Когда я вернулся, Ник уже успел снять с оленя шкуру, отделить от туловища его голову и еще четыре ненужных конечности. Отдельно в сторонке на марле лежали сердце и почки. Сам же Ник стоял рядом, держа в руках черную печень, от которой слегка шел пар. Ловко сработав ножом, он отрезал от нее кусочек и протянул мне.

– Макс, это правда очень вкусно!

После этих слов я только и успел отбежать на пару метров, схватиться левой рукой за ветку, а правой за живот. Ник же как ни в чём не бывало смотрел на меня и смачно дожевывал кусок.

– Ничего-ничего, – он подошел и похлопал меня по плечу, – в следующий раз попробуешь.

От этих слов мне стало еще хуже. Оклемаваться смог я только через минут десять, когда Ник уже разделил тушу на четыре части. Мяса оказалось совсем немного, и мы без труда смогли принести его в лагерь за один раз. Ник сразу же прошел на нашу кухню, положил добычу на камни и принялся отделять мякоть от костей.

– Ребра мы оставим на сегодня и завтра, а из остального сделаем сухое мясо. Оно хорошо сохранится. Ты же не против, Макс?

Ник положил кости рядом с печенью и сердцем, а остальные куски стал резать на аккуратные длинные полоски. Пока он этим занимался, я принес воды и повесил котелок над костром. Ник высыпал в него много соли и дождался, пока закипит вода.

– Всё просто! Чтобы сохранить мясо и сберечь его от мух, макаем эти длинные нарезки в кипящую воду на пять-шесть секунд и извлекаем. Провариться мясо, конечно, не успевает, но его поверхность покрывается соляным раствором и обваривается кипятком. Потом мы развесим эти шнурки на веревки и рядом разожжём дымокур. За пару суток, мясо сверху затвердеет и покроется корочкой. Его можно будет есть в любом виде: сыром, варёном, жареном, но, поверь мне, завяленная таким способом оленина даст фору даже немецким сосискам.

Этот на первый взгляд простой процесс оказался совсем небыстрым, и закончили мы его только к вечеру. К этому времени мой желудок уже совсем оправился и стал требовать деликатес, из-за которого он сам же совсем недавно возмущался.

Ник нарезал ребра, оставив по две косточки на куске, обмакнул их в ту же соленую воду и достал из своего рюкзака несколько крючков, чем опять меня удивил.

– А как ты собираешься жарить мясо? – ответил он на мой вопросительный взгляд.

Зацепив мясо на крюки, мы подвесили их на перекладину над костром.

– Вуаля! – и он с довольным видом потер свои ладони. – Скоро будем пировать!

Я даже не смог дождаться, когда мясо полностью прожарится, и вонзил свои зубы в полусырую оленину. Оно было похоже на говядину, но более жесткое, более плотное и имело специфический запах дичи. Но для меня мясо было нежным, ароматным и вкусным. А печень и сердце просто таяли во рту. Когда всё съели, то от усталости и сытости язык мой сладко прилип к нёбу.

Мы оба закимарили под скуемые звуки вечерней тайги, любясь гаснущим закатом. Затем лениво достали фляжки, стукнули их друг об друга и сделали по классному глотку.

– Ну как, дружище, – Ник, наконец, нарушил нашу тишину, – как тебе наш первый день, понравился?

– Еще бы, – ответил я, икнув, – какой-то совершенно новый и обалденный опыт, Ник. И чувствую себя я здесь как-то по-другому. Не могу объяснить, но мне тут точно хорошо. И еще. Никогда бы не подумал, что смогу кишки животному вспороть так хладнокровно.

– Видел бы ты себя в этот момент, – Ник благодушно улыбнулся. – Всё еще впереди, дружище. Всё впереди, – произнес он снисходительно.

– Когда я сейчас сижу и смотрю на костер, – продолжил я свою мысль, – ем добытое мясо, дышу тайгой, смотрю на небо – меня отпускает, Ник. Я как будто бы обретаю свободу.

– Знаешь, вернувшись сюда, на Аляску, я предполагал пожить в Кейтсити годик, максимум два, но вот уже прошло семь лет, а я всё еще здесь. Если тайга завладеет тобой, то уже никогда не отпустит, даже если ты всё-таки сможешь вернуться в цивилизацию. Она, Макс, всегда загадочна и бесконечна. Она тебя манит как в волшебной сказке. В любое время года ты ощущаешь ее мощь и тайну, и невероятной силы магию. Вот так однажды утром я проснулся в отцовском доме и понял, что мне пора строить хижину в лесу, ото всех подальше. От людей, от копов. Я взял лодку и пошел заливом на север. Плыл больше суток, пока не увидел устье реки. Я сразу понял, место дикое, никем не хоженое. Тогда я пошел пешком вдоль речки. Пока шел, понял, тут где-то рядом лежище волков. А значит, есть охота. Чуть позже вышел на поляну и понял, что она моя. Окруженная

со всех сторон деревьями она краями упиралась в реку. Это важно, потому как нужна вода и рыба, да и от залива пешим ходом не больше двух часов. Строил я хижину медленно, целый сезон, но всё-таки успел к зиме. Только впрок мясом не запасся. А позже, я по дурусти вовремя не вытащил лодку на берег, и однажды ночью она наполовину вмерзла в реку. И я оказался отрезан от мира на всю зиму. Это была моя первая одиночная зимовка. Голодная, холодная, тоскливая. И страшная. Но всё обошлось, я дотянул до тепла. Вот с тех самых пор там и живу почти всё время. Хотя еще недавно не поверил бы, что я смогу покинуть город, людей, небо, игру и женщин. Мне тогда казалось, что всё это и есть жизнь. Настоящая, полная, красивая. Та, о которой мы мечтаем. Но оказалось всё наоборот. Для меня – наоборот.

– Ты хочешь сказать, что живешь одиноким бобылем в лесу? – я ничего не понимал.

– Почти, Макс! – задумчиво ответил Ник. – На краю города, как я уже сказал, у меня крохотный домишко, оставшийся от родителей. Гараж. Машина. Я останавливаюсь в нём, только когда привожу пушнину на сдачу. Максимум на пару недель. Кстати, что интересно, я перестал болеть в тайге, а когда бываю в городе, хожу только к дантисту.

Ник рассмеялся и замолчал. Потом посмотрел на меня долгим взглядом, как будто бы пытаюсь оценить, насколько правильно может понять его слова человек, который с детства, хоть и без роскоши, но беззаботно живет на папины

подачки. По его мнению, я должен был быть человеком, не ведающим печали и забот, и что такое жить в тайге – навряд ли смог понять. Но в голосе Ника я этой иронии не проследил. Скорее, его рассуждения были о себе. Он как бы и сам удивлялся тому, что уже семь лет безвылазно живет в забвении. «Похоже, у этого парня, и правда, была своя и не совсем простая история», – подумал я.

– Ты сказал «небо»? – зацепился я. – Что ты имел в виду?

Ник поднес флягу к губам и застыл. Он смотрел на огонь и стал вспоминать что-то свое, затем очнулся.

– Небо это жизнь, Макс. Вообще-то, я профессиональный пилот, – не отводя глаз от огня, сообщил он. – Я «Джамбо»⁶ в небо поднимал. А знаешь, что такое поднимать в воздух полторы сотни тонн железа и триста жизней на борту?

Ник наконец повторил глоток своего виски.

– Мне до сих пор всё это снится, особенно тот страшный рейс.

– Ты летал на семьсот сорок седьмом? – моему изумлению не было предела.

– Я был командиром экипажа, Макс! Правда, совсем недолго, – он недобро хмыкнул. – И если б не та ночь с Сэнди! Если б не ее таблетки. Ах, Сэнди, Сэнди. Она вытащила меня из глубокого дерьма, а я опять в него нырнул...

Глава 4

Лето 2011 года. Нью-Йорк. Ник

В первый раз Ник увидел ее на рейсе Нью-Йорк – Лондон.

Милая брюнетка, чуть больше двадцати, высокий рост, тонкая в талии, округлая на бедрах, красивого размера грудь и бархатная кожа. Глаза ее светились, как у влюблённой. Стоя в дверях, она, как и положено, с пленительной улыбкой приветствовала пассажиров. Их взгляды встретились, и Ник почувствовал, что Сэнди его знает, она как будто бы его легко читает.

Странное ощущение.

На ходу буркнув приветствие, он прошел в кабину и расспросил о ней второго пилота. Тот толком сам ничего не знал, кроме того, что звали ее Сэнди, и на этом рейсе она подменяет приболевшую стюардессу. И всё. Но Ника не покидало необъяснимое волнение. Сидя за штурвалом «Боинга», он даже и не подозревал, что его вернули в большую авиацию только благодаря этой хрупкой девушке. Это она упростила своего дядю, занимавшего высокий пост в авиакомпании, дать ему шанс. Она же настояла, чтобы его отправили на курсы повышения квалификации. После этого он вдруг внезапно был переведен в «тяжелую» эскадрилью и менее чем через год получил кресло командира экипажа. Дядя хорошо понимал, чем его помощь может обернуться для любимой племянницы, но отказать не смог.

Когда-то он сам, уже будучи женатым, налетал уйму часов с любимой стюардессой, которая из-за него не вышла замуж. А когда пришло время спуститься им на землю, то было уже поздно ей создавать семью. Да и встречаться, как раньше,

уже не получалось. Так и осталась стюардесса одинокой, хоть и частенько получала от него подарки. Как и все в авиакомпании, Сэнди знала об этом романе длиною в вечность, но в двадцать лет жизнь бесконечна и легка. Поэтому, когда дядя попытался ее просветить, к чему всё это может привести, она просто поднесла палец к его губам и медленно пропела: «Он будет только мой, увидишь!» И Сэнди приступила к делу.

Следующая их встреча выпала на корпоративную вечеринку по случаю юбилея ее дяди. Она умышленно пришла последней и эффектно появилась в тёмно-вишневом платье, которое очень хорошо подчеркивало все преимущества фигуры, а высокие каблуки увеличивали и без того немалый рост. Она знала, что понравилась ему, но на его ухаживания ответила безразличием. А вот со вторым пилотом была кокетлива и весела, пила шампанское и танцевала, но с вечеринки той уехала домой одна.

На следующий день, раздобыв по своим каналам ее адрес, Ник послал ей большой букет роз. Ему пришлось изрядно потрудиться, чтобы найти этот особый сорт Sweet Juliet⁷. Элегантные цветы нежно-абрикосового оттенка с тонким проникновенным ароматом были упакованы в дорогую бумажную ткань тёмного цвета, чем еще больше подчеркивали всю шедевральность редкого букета. Ник не поскупился и на французское шампанское.

Любая другая женщина наверняка бы покорила сразу и тут же бы открыла свою крепость. Но только не Сэнди. «Ваш

букет сегодня третий, а вот бутылка «Моет» первая. Благодарю, мне очень приятно».

– Приятно? Чёрт возьми! – прочитав это смс, Ник закипел, как ржавый чайник.

Гордые и беззаботные, умные и счастливые, замужние и одинокие – все сами висли на его плечах. Так висли, что всегда просили не бросать. А тут ему говорят: «Ваш номер третий, ожидайте и, может быть, вас позовут». Ник ничего не понимал. Как так?

Что делать?

Отступить и послать ее к чертям? Или продолжить тратить время, деньги, чувства?

«Ты играешь в прятки, – спросил ее мысленно Ник, – или в неприступную царевну?»

Он, конечно же, понимал, что это тонкая игра молодой и красивой стюардессы с завидным командиром большого корабля, но ни о чём другом Ник думать уже не мог.

Да он и сам игрок, сердцеед, артист, считала, фокусник, пилот.

Еще в юности, заметив свои способности в математике и обладая феноменальной памятью, он заразился игрой в покер. Со временем, уже в колледже, как-то вечером за зелёным сукном он познакомился с отличным парнем Биллом, таким же заядлым игроком. Билл предложил ему создать нечто – вроде команды мелких шулеров, чтобы зарабатывать себе на жизнь и учебу.

Третьей к ним влилась младшая сестра Билла – Джессика, чья роль была угощать игроков напитками, отвлекать их внимание своей великолепной грудью и приносить к столу «холодную» колоду. То есть свою, заранее перетасованную колоду, которую она ловко прятала в ладони под блокнотом, когда заходила в комнату. Блокнот ей якобы был нужен, чтобы записывать, кому какую выпивку нести. Джесси невзначай вставала рядом с сидящим за игровым столом Биллом и принимала заказы. Затем она изящно наклонялась к столу, немного обнажая грудь, делала записи в блокноте и в этот самый момент роняла колоду из ладони. А та летела вниз и падала в подставленную руку Билла. Но Биллу еще нужно было суметь незаметно подменить колоду. Он спокойно ждал, пока Джесси вернется с подносом и начнет расставлять стаканы на столе, чем естественным образом опять отвлечет на себя внимание игроков. В правой руке Билл держал настоящую колоду на виду, а вот левой, с холодной колодой он коротко сдвигал стул назад, затем как бы помогая этому движению правой рукой, он возле ширинки своих брюк ловко делал подмену и возвращал правую руку на стол.

Ну а далее в игру вступал Ник, под которого и были сложены в колоде карты. Разумеется, за столом никто и представления не имел, что эта тройка знакома друг с другом. Такая несложная схема хорошо работала с новичками, но у них и ставки были низкие. Поэтому для партий посложнее была освоена известная комбинация под названием «пьяный

покер», которая применялась за теми столами, где играли не случайные, а настоящие и постоянные игроки.

Посторонних в такие места не приглашали. Но Джесси и ее подруга по отдельности знакомились с кем-нибудь из членов такого клуба, и невзначай жаловались на своего горе-брата, который часто играет, а еще чаще проигрывает. Получив таким способом приглашения, Билл и Ник всегда заходили в такие клубы раздельно.

Билл приходил трезвым и скромным, а Ник, напротив, якобы выпившим, в крутых часах и в дорогом прикиде. Он много пил, поднимал ставки, проигрывал и приставал к другим. Но пока он просаживал деньги, его терпели. Он легкая добыча, и будущие жертвы с радостью забирали его фишки. И вот примерно после первого часа такой игры, все за столом соглашались на предложение Ника поднять ставки до безлимита. И это переломный момент, ведь надо сделать так, чтобы все деньги, что есть у игроков, легли в одну раздачу. Сыграть по-крупному. И тут в дело вступал Билл, который всё это время был в тени. Он должен приложить всё свое умение тасовать колоду так, чтобы у всех за столом появились сильные карты или, как говорят сами игроки – сильные руки. Именно в этом случае все захотят поднять ставку до небес, хотя, разумеется, победитель будет только один.

За долгие годы Билл смог так натренироваться, что карты в его колоде ложились именно так, как он хотел. И в этот самый момент, пьяный Ник напрочь «терял» всякую осторож-

ность и, повернувшись к официантке вполоборота, чтобы заказать выпивку, перед всеми «случайно» светил своими картами. А там, к примеру, три валета. И все это замечали, понимая, что легко смогут переиграть его карты. Ставки ползли в гору как альпинисты, а неосторожный Ник их с легкостью продолжал удваивать. Когда же игрокам предоставлялась возможность поменять несколько карт, то каждому из них опять приходила сильная карта, и опять на стол выкладывались крупные ставки. То есть все деньги из карманов вырастали горкой на сукне стола. И тут пьяный Ник, поддавшись всеобщему азарту, берет и двигает все свои фишки на середину стола. Громадную сумму, на что игроки с детским восторгом отвечают ему своими ставками.

Билл свою роль выполнил именно так, как надо. И вот все начинают вскрываться.

– У меня флэш от королевы, – радостно заявляет плюгавенький брюнет.

– А у меня фулл-хаус, – и парень в костюме важно выкладывает три восьмерки и две шестерки.

У следующих двух парней комбинации карт ниже, и наступает очередь Ника. Долго всматриваясь в картинки и знаки, Ник якобы силится понять, что ж у него на самом деле, и нетвердой рукой начинает выкладывать карты на стол. Медленно он кладет первую.

– Валет, – Ник останавливается и поднимает свои мутные глаза на игроков. Сияясь узнать их, он громко сопит.

Все за столом начинают терять терпение. Ник, наконец, открывает следующие карты.

Королева, десять, девять, восемь.

На столе лежат все карты одной масти.

Все замирают. Тишина. И жирная зелёная муха громко тарыхтит в полёте над столом.

Остается последний игрок, чьи карты все сейчас увидят. Это пухлый потный очкарик. Но он медлит, так как знает, что только одна комбинация может побить руку Ника. Круглолицый кладет на стол туз и четыре короля.

Каре.

Сильная комбинация, но Стрит-Флэш она побить не может.

Ник срывает куш! Но он так пьян, что уже не следит за тем, что происходит. Он увлечен виски и что-то ищет там, на дне стакана. Старую муху, которая туда упала?

– Я что, – Ник наконец-то просыпается, – всех победил?

Никто не может в это поверить, и все, включая Билла, начинают копать в его картах. Они еще надеются, что катастрофа пройдет мимо. Точный пошаговый расклад ходов Ника показывает всю чистоту его игры. Всё верно: он сбросил два валета и добрал те карты, что лежат сейчас на столе.

В этот момент Ник, шатаясь, пытается подняться, но вдруг резко наклоняется вперед и делает отвратительный звук горлом. Все игроки в едином порыве отъезжают сидя на стульях от него подальше. Вот-вот случится беда, и доро-

гой зелёный красивый игровой стол будет испорчен навсегда, но...

Ник успевает платком прикрыть рот. Билл сгребает все фишки со стола, сует их Нику по карманам, затем брезгливо берет его под локоть и насильно ведет к дверям. Ник сопротивляется, но мычит благодарность и с трудом выходит из клуба. Но этого мало.

Спектакль должен быть с финалом.

Билл возвращается к столу, обхватывает голову двумя руками, начинает что-то бормотать о кредите на дом, о просроченных платежах, жене и детях, и в конце концов начинает громко рыдать горькими слезами. Сами, находясь под впечатлением от проигрыша, игроки всё же начинают утешать Билла, тогда как Ник в это время уже едет в такси домой.

Такие игры команда посещала нечасто. Несколько раз в год и в разных штатах, старательно меняя внешность и тщательно скрывая имена. Конечно же, бывали и осечки, но, тем не менее, благодаря покеру и блек-джеку Ник смог исполнить свою мечту – оплатить учебу сначала на частного, потом на коммерческого, а затем окончить авиационную академию и, наконец, получить вождеденную лицензию транспортного пилота.

Со временем, когда команда распалась, каждый из них пошел своим путем. Но связь между собой они старались не терять, чтобы при случае встретиться и снова поиграть. И вот однажды в один из таких вечеров они сорвали большой куш.

Хороший куш...

Вот только один из проигравших, заподозрив неладное, стал наводить справки. Сначала он выяснил, что троица между собой знакома. Копнул поглубже, оказалось, что они уже хорошо поживились в нескольких серьезных клубах. Пазлы сложились в ясную картинку. И всё бы ничего, но на беду Ника этот человек оказался большим чиновником из Управления гражданской авиации. Он сделал пару звонков куда надо и кому надо, и Ника вскоре уволили. Но это полбеда. Его больше никуда не брали. Ни в гражданскую, ни в бизнес, ни даже в легкомоторную авиацию.

Кредиты на квартиру и машину подстегивали к поиску решений. Опять собрать команду и заново начать играть? Как же ему этого не хотелось, но выхода другого он не видел. От безнадежности Ник как-то приложился к виски на целую неделю. И в ту неделю утром раздался телефонный звонок. Секретарша одного большого босса одной большой авиакомпания вдруг пригласила его на собеседование.

– Да приезжайте хоть сейчас, – не терпящим возражений тоном произнесла дама с железными струнами в голосе. – Босс найдет время на вас.

Пьяный мозг Ника пытался понять – мираж это или реальность. С трудом дойдя до душа, он принялся тереть себя мочалкой, бить по щекам и попе. Затем пустил ледяной душ и заорал луженой глоткой. Следующий час ушел на кофе и бульон. Но рожа всё равно была убитой. Улитки! Волшеб-

ные корейские маски! Он вспомнил про полёты в Сеул, откуда старшие товарищи тащили тоннами косметику для своих увядших жен.

Быстро нацепив на себя спортивные штаны, он спустился вниз, зашел в женский салон красоты и удивил пару сидящих в кресле седых старушек.

– Что вылупились? Мне слизь улитки надо на лицо! – безапелляционно заявил он бабке, которая открыв рот не смогла даже моргнуть.

– Сара, – обратилась к ней вторая с еврейским акцентом, – чего ты на него так пялишь свои зенки? Он правильно сюда вошел. Ему за рожей, чё не видишь?

Через два часа после различных процедур уже твердо стоявший на ногах Ник подымался в лифте на последний этаж небоскреба авиакомпании. А еще через час он не мог поверить в чудо, что стал опять пилотом. Его приняли. И через пару месяцев он очень быстро пошел в гору.

Всё вернулось на круги своя, и он опять поверил в свою звезду, в свою гениальность. Ну как же, по-другому в его жизни и быть не могло. А то, что выгнали когда-то? Так это лишь короткий эпизод. Осечка. Такие парни, как Ник, всегда будут у цели. Всегда на высоте. Всегда при бабках и при дамах.

Небо, женщины и деньги!..

И только вот одна смазливая стюардесса не вписывалась в этот закон.

Очнувшись от своих воспоминаний, Ник понял, что уже давно сидит перед ноутбуком, на экране которого мерцает сайт продажи билетов на концерты. Elton John, Iron Maiden, Aha, Celine Dion и даже Pet Shop Boys. Нет, всё это не подойдет, от всего этого мутит. Но он не знал ее пристрастий. Пролистав дальше, Ник увидел фото красивой рыжей бестии, которая по слухам устраивала самые дорогие концерты в мире. Да и музыка у нее была мелодичной и завораживающей. Ну что же, вот сюда он ее и пригласит. Однако оказалось, что все билеты в зал распроданы, осталось пару мест в ВИП-ложе.

Увидев стоимость, Ник нахмурился. Нет, конечно, это хорошо, что будет короткий фуршет с певицей перед концертом, и бутылка французского шампанского вдобавок, и обозрение отличное, и звук особый, но...

«Дорогая штучка», – привязал свою мысль Ник к певице.

«Дорогая штучка», – повторил он про себя эти два слова, только теперь уже о стюардессе.

Он взял в руки телефон и позвонил знакомому из отдела планирования. Сэнди была свободна в день концерта. Достав кредитную карту и вбив шестнадцать цифр, он на минутку задумался, поднял в воздух указательный палец... и опустил его на клавишу.

Оплачено.

Ждать недолго, концерт через два дня. Ник сладко улыбнулся, такое приглашение растопит сердце неприступной ле-

ди.

Концерт и впрямь был потрясающим. Рыжая красавица не обманула – шоу по своим эффектам поражало самое избалованное воображение. Свет, звук, артисты, маски и костюмы. Всё в музыке и в такт, и в цвет, и невероятное количество танцоров. Сама певица была мечтой, которую нельзя опошлить, а можно только слушать и на нее молиться, что, впрочем, зал и делал.

Как она смогла петь два часа и при этом всё время синхронно двигаться в такт своей балетной группе, было неясно. Ник подумал, что после концерта она, наверное, потеряет немало фунтов. Но самое крутое зрителей ждало в финале. Необычайные спецэффекты создали реальное ощущение огромного пламени на всю сцену, в которое медленно, шаг за шагом и спиной к зрителям погружалась певица. Погружалась очень плавно и сгорала. Подавленный такой кульминацией зал в шоке молча наблюдал за тем, как полыхает их звезда, как испаряется мечта, как расплавляется богиня и просто женщина небесной красоты. И вот она в огне исчезла.

Музыка стихла, и в уши вкралась тишина, реально пугающая тишина. Никто не хлопал, не кричал и вслух не выражал эмоций. Молчание владело залом долго. Народ не расходился и чего-то ждал. И в этот момент начал громко тикать метроном.

Тик-так, тик-так.

У женщин слёзы хлынули ручьем, с мужчин стекла вся их

брутальность. Так концерт еще не заканчивал никто. Бывало разное, когда ломали кресла и рвались на сцену, когда не расходились и хлопали, стараясь бесконечно, пока на пятый бис не выходили музыканты, когда свистали долго и яйцами бросались. Бывало почти всё. Но еще ни разу в истории великое шоу, которое два с лишним часа держало зал на одном дыхании, не заканчивалось гробовой тишиной. И даже когда стало ясно, что пора расходиться, никто не посмел нарушить это безмолвие.

Зрители, онемев, выползли из зала. Но весь этот большой сгусток эмоций шел мимо Ника. Концерт он смотрел один и в плохом настроении.

Сэнди не пришла, она была в полёте. Подруга попросила подменить, она не отказала.

«Прости, я улетаю. Продай билет или сходи с другой», – Ник перечитал это сообщение минимум раз пятнадцать, прежде чем до него дошел смысл послания. Как это возможно променять самый грандиозный концерт в году, билет на который стоил как на место в бизнес-классе на дальнемагистральном рейсе, на какую-то дурацкую и банальную просьбу подруги? На этот раз самолюбие было серьезно ранено, и Ник решил забыть о капризной стюардессе. «Да и дешевле будет», – цинично подумал он.

На следующий день, поднимаясь по трапу на свой борт, он всё никак не мог выбросить ее из головы, а пора бы, всё-таки в салоне пара сотен пассажиров.

– Доброе утро, капитан Вильямс!

Ник поднял глаза на встречающую его стюардессу. Глаза ее искрились, спина немного выгнута вперед, чтобы две груди наверх смотрели, и белые перчатки на ладонях. Перед ним стояла Сэнди. Он заглянул в ее глаза и провалился в пропасть...

В этот рейс Ник выжал из машины всё, на что она была способна, лишь бы быстрее достичь цели. Обратный рейс лишь завтра! Весь экипаж в одном отеле! О сколько разных мыслей и фантазий картинками неслись в его мозгу. И кофе. Пока летели, он попросил ее подать три раза кофе и пару раз воды. Всё только, чтоб услышать ее красивые духи. Тот аромат, что так пьянил безумно на максимальной высоте, в которую загнал он самолёт.

Быстрее, быстрее, быстрее!

Таким мальчишкой он себя давно не помнил. Но из всех придуманных картинок свершилась лишь одна. Они поужинали вместе. Всем экипажем. Но за столом он неслучайно поймал ее улыбку. Улыбку только для него. Хотя второй пилот из кожи лез, чтобы получить хотя бы взгляд. Тем вечером Ник узнал, что Сэнди с этого момента всегда будет летать в его экипаже. Теперь она с ним будет рядом.

Она будет его, он это точно знал.

Глава 5

Август 2019 года. Аляска. День четвертый

– Встаем к цели левым боком, – Ник, как и обещал, этим

утром решил мне дать урок стрельбы.

Конечно, я уже и забыл, как правильно целиться, как держать винтовку, как нажимать на спусковой крючок.

– Ноги ставишь на ширине плеч, а ступни параллельно друг другу, – он осмотрел меня с головы до ног, проверяя, правильно ли я выполняю его указания. – Теперь привстань на носочки, подай тело чуток вперед и найди точку равновесия. Запомни положение поясницы и вставай назад на полные ступни. Теперь важный момент – подаешь таз вбок в сторону цели.

Я очень старался в точности выполнять все его наставления. Пока всё было просто. Правое плечо завалилось вправо, а таз влево. Он взял мою левую руку, согнул и опустил вниз, при этом локоть уперся в ремень. Предплечье же поставил строго вертикально и в правую руку вложил карабин, предварительно выпустив на нём затыльник.

– Поднимай винтовку, перехватывай ее левой рукой и найди удобное положение кисти. Ты должен держать оружие не за счет напряжения мышц, а за счет натяжения связок. Локоть правой руки опусти свободно вниз. Его не надо поднимать или напрягать.

Ник поправил мое левое предплечье, потрогал кисти рук, легонько стукнул своей правой ногой по моим сапогам и, убедившись, что моя стойка соответствует нужным стандартам, произнес:

– А теперь, чтобы навести винтовку на банку, которая сто-

ит в другой стороне, ты должен повернуться к ней всем своим телом, ни в коем случае не изменяя ни положения рук, ни спины, ни головы, понимаешь?

– Вроде да, – ответил я, аккуратно поворачиваясь вокруг себя с направленной вперед винтовкой.

Это движение мне напомнило танк, который к своей цели поворачивает не башню, а через гусеницы весь корпус.

– А теперь я засекаю десять минут, которые ты должен отстоять без единого движения, – и он посмотрел на часы.

Первые пять минут я простоял достаточно легко, хотя левая рука уже испытывала напряжение. На седьмой минуте у меня стали заканчиваться силы, хотя я продолжал стоять, стараясь не шелохнуться. Появилась небольшая дрожь в руках.

К этому времени Ник отошел метров на тридцать и повесил пустую банку от тушенки на ветку, сверил время и предупредил:

– Стреляешь по моей команде.

Ну да, это же так просто, когда все мышцы превратились в камень, я еще должен попасть в маленькую банку. Собрав все свои силы, затаив дыхание, я нашел цель и по команде Ника мягко нажал на крючок. Винтовка чувствительно ткнулась мне в плечо, прицел со всего маху ударил мне по глазу, а в левом ухе появился звон. Я покачнулся и чуть не упал.

– Ну вот, а говорил, стрелять умеешь! – Ник явно был расстроен. – Будем стрелять, пока не попадешь.

И мы стреляли. К обеду я уже научился быстро передергивать затвор, ловко досылать патрон и попадать не только по банке, но и в листок мишени на расстоянии больше пятидесяти метров. Правда, пока только в «молоко». Мои небольшие навыки потихоньку возвращались, что не могло не порадовать Ника. Я даже почувствовал, что подрос в его глазах.

– Достаточно, завтра с утра повторим, а сегодня у нас с тобой по плану рыбалка. Мы выйдем на лодке в море и попробуем поохотиться на палтуса. Они здесь бывают гигантскими. Натяни на себя всё самое теплое, что у тебя есть. Надеюсь, рыбачить-то ты умеешь? – и он хитро посмотрел на меня, уже заранее предполагая, какой будет ответ.

– Ник, ну откуда б я умел рыбачить? – сказал я с обидой. – Я что, родился на море или в деревне на реке? В детстве доводилось брать удочку в руки. В отпуске пару раз выходил с отельным гидом в море. Но мне точно ничего неизвестно о лесках, удочках, крючках и рыбах, ферштейст ду, мейн фройнд?

– Ладно-ладно, – примирительно сказал он, – не обижайся. Тем более что учиться этому не надо, всё уже готово, получишь удочку, закинешь леску и тяни. Будешь сидеть и наслаждаться.

День был солнечный, тихий, не особо ветреный. На моторке мы добрались до нашей шхуны, где у Ника стояло штук пять различных удилищ. Видимо, каждая из них была на свою рыбу. Он завел мотор, припал к штурвалу, и мы пошли

вверх по заливу.

В который раз, вдохнув этот особый свежий и колючий воздух, я подумал об уникальности Аляски. Я еще не мог для себя сформулировать, что именно меня здесь привлекало, но нигде прежде не ощущал такого умиротворения, беззаботности и полного отсутствия суеты или возни. Мне не хотелось думать ни о будущем, ни о деньгах, ни о расставании с принцессой. Мне также не хотелось иметь цель, и уж давно не желал я ни к чему стремиться. Я ощущал, что самое главное сейчас – здесь, на этой лодке, на этой рыбалке. В этой тайге и в нашем лагере. Во всём этом и была настоящая *Суть*. И мне показалось, что тайны этой сути знает Ник.

Под эти мои размышления мы вышли в море, а точнее в океан. Я посмотрел вперед и ощутил прилив еще больших эмоций. Они вторглись в мое личное пространство, а слова сами собой выстраивались в рифму.

Мне показалось, что плывем мы там, где нет границ и быть не может.

Где море с небом породнилось. Где счастье с силой так легко сплотилось.

Где всё огромно и бесценно, где жизнь ручьем бьёт полноценно.

Ник же, не обращая никакого внимания на романтический простор, спокойно вел лодку по водной глади. Он шел прямо на солнце, как будто бы надеясь найти иное измерение, в котором всё пространство занимает чудо. Как будто

бы он точно знал, куда рулить, куда по этой жизни плыть.

И где-то глубоко в моей душе что-то шевельнулось. Что-то из раннего детства, когда мама знакомила меня с этим огромным, еще неизвестным миром. И мир этот легко мог уместиться в ее ладонях.

Я посмотрел назад. Далекие острова, прижавшись к воде, зеленели нам вслед. Ник сбавил ход и выключил движок. Лодка, как будто бы на что-то наткнувшись, резко покачнулась и поймала плавный ход. Негромкий шорох волн, и ветер дует прямо в уши.

– Ну что, начнем? – Ник оторвался от штурвала, взял две удочки и подал мне одну из них. – Как у нас говорят, начнем мы рвать, начнем метать!

Следующие пять минут Ник дал мне короткий инструктаж, как правильно закидывать, как наблюдать и подсекать, как правильно изматывать добычу и как лучше поднимать ее на борт.

Я взял гибкий длинный шест и закинул крючок в море. Ник повторил за мной то же движение и пообещал, что скоро может подойти крупняк. В этот момент мне захотелось поймать очень большую рыбу, однако же первые сорок минут клевало слабо. Но вот пришел прилив, и халибут⁸ стал клевать почаще. Проявив нетерпение, я несколько раз преждевременно пытался подсекать. Рыба срывалась и уходила в море. Но в третий раз я сделал короткую подсечку и плотно подцепил кого-то. Удочка с силой потянулась вниз, и мне по-

казалось, что через мгновение она улетит в море. Каким-то чудом я смог ее удержать, а Ник уже спешил на помощь.

Палтус сделал пару движений и, удивив меня, замер на месте. Я видел его. Он был большой. В жизни не ловил такой огромной рыбы. Удилило стало ёрзать в моих руках. Ник обхватил его левой ладонью и крепко прижал к перилам. Я же отошел на шаг назад и стал крутить катушку. Крутить было не так-то просто.

– Не торопись, – учил меня Ник, – крути без рывков, спокойно.

Через минуту я смог подтянуть рыбу до уровня перил. Ник, перехватив леску, схватил палтуса за жабры и поднял его перед собой. Рыба была большой, тяжелой, плоской и с белым животом. Она несколько раз попробовала вырваться, но в руках Ника это было невозможно.

– Какой красавец! – он вытащил крючок из пасти рыбы, перехватил второй рукой за хвост и прижал ее к перилам.

Посмотрев ее размеры, он заметил:

– Твой первый выход в море, а ты уже поймал на фунтов двадцать. Ну что, отпустим или оставим ее на ужин?

– Как отпустим? – удивленно спросил я. – У нас что, нет лицензии на рыбалку?

– Да есть, конечно, – Ник весело засмеялся, – просто сейчас пойдет такой клёв, что ты будешь таскать одну за другой, а нам нужна только одна.

– Тогда давай оставим эту. Всё-таки первая моя! – попро-

сил я, уже позируя с рыбой в руках перед камерой Ника.

Мы поместили пойманного халибута в специальную емкость с водой и по новой закинули удочки. Ник оказался прав, через десять минут пошел большой клёв. Одна за другой разных размеров шла рыба на крючки. Мы тащили их на борт, примеряли к перилам, фотографировались и отпускали в море.

Это было похоже на веселое соревнование. У кого больше. Хотя мне показалось, что друг мой играет в поддавки. Большая рыба у него якобы часто срывалась, и он тащил на борт всякую мелочь, такую же, как та, что я поймал. Да-да, я уже понял, что палтус в двадцать фунтов это совсем немного. Но нам на ужин больше и не надо.

Когда, наконец, мы устали, Ник достал мою добычу, положил ее на зелёную крышку емкости с водой, достал длинный тонкий нож и стал проворно разделять рыбу. Наблюдать за ним было одно удовольствие. Вот он выпотрошил кишки, затем срезал треугольный кусок с позвоночника. Поддел ножом возле живота, срезал мясо и вот уже передо мной лежали только кости с головой. Схватив левой рукой за хвост, он умело перекинул палтуса на другую сторону и вспорол брюшину. Следом нож проехал по горбу и быстро срезал плавники. Настала очередь сделать надрез посередине – вдоль всей рыбы. Ну а дальше всё то же самое, что Ник делал на первой стороне. Менее чем через пять минут плоские кусочки свежайшего филе лежали в отдельном ящичке, а скелет полетел

обратно в море. На корм другим.

– Ник, – позвал я, – знаешь, а я ведь тоже был игрок.

Ник застыл на месте и впился в меня долгим взглядом.

– Ты счетчик или на удачу? – уточнил он.

Я не сразу понял, о чём он спросил, а когда, наконец, допёр, ответил:

– Наверное, ни тот и ни другой.

– А кто тогда?

– Да сам не знаю.

– Это как?

– Самый первый раз я попробовал сделать ставку в букмекерской конторе. Помнишь, чемпионат мира по футболу в России? В тот вечер была игра швейцарцев и бразильцев. Понятное дело, что у крестоносцев шансов не было, а ставить на бразильцев не имело смысла, выигрыш был бы копеечным. Тогда я взял и поставил на ничью. Сумму не особо крупную, так как я понимал, что, вероятно, ее проиграю. Но с экранов телика постоянно шла букмекерская реклама. Вот я и поставил, а сам уехал в клуб и забыл об игре. Вернулся домой под утро и замертво уснул. Очнулся после обеда с больной головой. Нашупал пульт и включил телевизор. А там главная новость дня.

– Я помню-помню, – вмешался Ник, – сборные Бразилии и Швейцарии в заключительном матче четвертого игрового дня победителя выявить не смогли. Игра завершилась с ничейным счетом – 1:1. Так приблизительно передавали.

– Ну да, ну да! Я тоже помню, что у тебя феноменальная память! – мы оба заулыбались. – В общем, сам представляешь, как я подскочил с кровати. Голова перестала болеть, но сколько денег я поставил – так вспомнить и не смог. Найдя телефон, дрожащими руками вбил код, нашел приложение, открыл... – я сделал паузу.

Ник, не отрываясь, вопросительно смотрел на меня, а я решил над ним поиздеваться.

– Ну, не томи, – занял профессиональный игрок. – Сколько?

– А там трехзначная цифра! Причем, знаешь, не такая уж и большая, но дело ведь не только в ней. Я испытал что-то новое, что меня так круто взволновало.

– А любить и уважать себя ты не стал больше? – прищурился хитровато Ник.

– Откуда ты знаешь? – засмеялся я. – Конечно же, стал!

– Это азарт, друг мой, – Ник подошел ко мне и похлопал меня по плечу, – это азарт. Ну, давай, рассказывай дальше, я же знаю, что ты не остановился.

– Конечно! Я стал играть. Правда, прогнозист из меня никакой. Я пробовал анализировать статистику, учитывать стоимость сборных и тренеров, каким составом будут выходить, какое соотношение на победу предлагают сами букмекеры, и много всякого еще дерьма. Дело шло зеброй – то в плюс, то в минус. Но к концу чемпионата я проигрался. Причём больше, чем выиграл в первый раз.

– И ты, конечно же, продолжил, – вставил Ник, – на финал, на игру, где и так всё было ясно?

– Да, Ник, всем было понятно, что ставить надо на французов, вот только выигрыш был в два сантима. Поэтому надо было угадать точный счет.

– И как ты это сделал? Сходил к гадалке или глянул в гороскоп? – ему явно было интересно.

– Почти! – ответил я. – Моя счастливая цифра – четыре. На моём кошельке рисунок четырехлистного клевера!

– Знаю-знаю, средневековый символ удачи. Продолжай.

– Французам было под силу вклепать четыре гола. Но как сыграют хорваты? Забьют или вообще продуют всухую. Но ты же помнишь, Мудрич на подъёме, поэтому без гола он бы не ушел, но сколько голов забьет сборная Хорватии?

– Если просчитать математическим путем, то коэффициент одной выигрышной ставки многократно перекроет потери от двух проигрышных, верно, Макс? – Ник смотрел на меня взглядом преподавателя математики.

– Ты это сейчас подсчитал или просто так предположил? – медленно спросил я.

– Дай угадаю. Так как в ноль хорваты не сыграют, ты сделал три ставки. 4:1, 4:2, 4:3. Но, думаю, что на один из этих трех вариантов ты поставил больше денег, чем на два других. Ведь так?

– Та-ак, – всё также медленно протянул я.

– И это был результат 4:2. Так?

– Та-ак! Но откуда ты знаешь, Ник?

– Макс, ты забыл, что я тебе вчера рассказывал? Я игрок в покер и блек-джек. Это память, цифры и расчет. Хотя, именно ты на два гола поставил безо всякого расчета, а на инстинкте.

– Это как? – тут мне стало совсем интересно.

– Ты знаешь, где самое безопасное место в стае, когда на нее идет охота?

– В середине!

– Верно. Допустим, идет игра. У нас пять игроков, но правило следующей игры они не знают, а знают лишь то, что игра опасная. Им предлагают выбрать порядковый номер в этой игре. Просто порядковый свой номер, понимаешь? От одного до пяти, и объявляют, что начинает игру номер первый, заканчивает игру номер пятый, и дают возможность выбрать для себя номер первому игроку. Вопрос простой. Какой номер выберет первый игрок?

– Третий, – не задумываясь, ответил я.

– Вот так и ты выбрал безопасную середину. Не принято у нас спрашивать, какой у тебя был куш, но подозреваю, что кутил ты потом долго!

– Да, Ник, как оказалось, у меня полгорода друзей! – рассмеялся я. – На пятый день я лег в кровать, отключил телефон и закрыл наглухо входную дверь, пропав со всех радаров.

– Что-то мне подсказывает, что на букмекерах ты не оста-

новился, – с какой-то особой родственной добротой прозвучали его слова. – Но ты об этом мне расскажешь позже, нам пора сниматься с якоря и уходить назад.

Ник засуетился с удочками, якорем и штурвалом.

Мотор заурчал, лодка развернулась носом к берегу и двинулась вперед. А я прислонился к перилам, молча впился глазами в холодную воду и вспомнил то незабываемое утро, которое навсегда прописалось в моей памяти.

Август 2018 года. Бад-Хомбург. Нирвана

Это было в моём Бад-Хомбурге. В то утро уже светило солнце первыми лучами, когда я брел домой из казино уставший. Парадная, бесшумный лифт, вот мой этаж последний. Корявый ключ влезает в щель, щелчок, и дверь открыта.

Вхожу, и пес меня встречает. Мой верный Чарли, он видно крепко спал и пропустил шум лифта. Но тут же соскочил и подбежал, хвостом виляя. И как бы извиняясь, протяжно заскулил от счастья, а я присел к нему и посмотрел в глаза. Конечно, я его обнял, крепко к груди своей прижал. Потом устало с корточек я встал и прошел в спальню.

Ее обувь ютилась у моей большой кровати. Две лодочки, две тёмные туфли из крокодильей кожи внимание магнитом привлекали. Они стояли так, как будто бы хотели уходить, раздвинув ноги в быстром шаге. Но всё же без движения, одиноко. И в ожидании своей хозяйки.

По логике вещей мой взгляд, поднявшись выше, наткнуться должен на нее – прекрасную принцессу, лежащую в

кровати обнаженной. С глазами томными, смотрящими в меня со снайперским прицелом. С изящной полусогнутой ногой. И с одеялом у груди, возле сосков, солдатами стоящих. Тонкая шея и овал лица, который покоряет мужчин сразу. И губы сочные, над ними тонкий нос. И яркая улыбка. Да и глаза большие, глубокие такие, очень приятные, словно на ощупь бархат.

Такая женщина уже при первой встрече мужское покоряет сердце. И много позже добивает интеллектом, который нужен в отношениях, чтобы скука не сменила интерес. Вот так влюбляются в принцесс, которые дают так редко шанс нам получить от них ответ взаимный.

Мои тугие мысли так плотно вились в косы, что путали мой мозг, который после этой ночи устало превратился в воск.

Взгляд перевел я выше и никого в кровати не увидел. Пуста измятая постель и одинока. К такому был я не готов, и разум мне задал вопрос: «Если ждала – не дождалась, то почему ушла без тапок?»

Не разуваясь, я прошел на кухню. Чтобы мыслить дальше, нужен крепкий кофе, и я не глядя палец к кнопке протянул. Раздался шум, то аппарат с азартом мелкие зерна в пыль дробил. Я не услышал, как босые ноги ступили мягко по полу. То тонкая фигура в полотенце из ванны по-кошачьи сзади подкралась, и руки на моей груди сомкнула крепко. И теплое дыхание в спину. И тут же полотенце смялось на полу.

Я замер, задрожал.

Приятный запах кожи, мокрых волос и мыла. И долгий в шею поцелуй. Она мурлыкнула мне в ухо и вжалась еще крепче. Спустила пальцы к брюкам, но я успел перехватить: «Не всё так сразу, леди, мне бы сначала кофе, затем в душ!» Но с жесткой силой вырвалась ее рука, ремень рванула на себя и увлекла рывком к кровати. Резкий толчок – я на спине, пару секунд и брюк не стало. Трусы снимать с меня не стала, она их просто порвала.

«Да погоди! – хотел я крикнуть, – мне надо всё же в душ сначала... чала...»

Я эту мысль додумать не успел. Как будто бы божественный напиток входил в меня густой туман. Он разум мой дурманил, реальность отключая. Я сладко провалился в пропасть. А в ней на дне вода, которая меня сдержала и мягко приняла. Еще одно мгновение и глубже в свои недра увлекла. Секундой позже – всё наоборот, она уже подбрасывала к звёздам. Всё выше-выше. В томное пространство.

Я точно и понять-то не успел, как в космосе случился взрыв, и закричать хотел, но звук издать я тоже не успел. То красное вино влилось в меня с горячим поцелуем. Я задыхаться стал, дрожа всем телом. Привстав на локти, спину приподняв, я попытался голову поднять. Не вышло. Мне две руки на плечи с силой надавили, и я упал назад в кровать, на мятую подушку. И понесло меня в томящий тело сон. Я рядом с нею, не ушла, она всю ночь меня ждала...

Август 2019 года. Аляска. День четвертый

Всплеск за бортом от падающего якоря быстро вернул меня в реальность. День подошел к закату, и я подумал, что запомню и этот день, и то безумное утро на всю свою оставшуюся жизнь.

Пришел прохладный вечер. Мы с Ником опять сидели у костра и ели самый вкусный в мире палтус. Впрочем, палтус я любил готовить на ужин и дома, но на углях он был великолепен.

– Что было дальше, Ник? Я целый день сторал от любопытства, – начал я осторожно подводить Ника к вчерашнему рассказу. – Если бы ты вчера не ушел спать на полуслове, то я бы слушал тебя до самого утра. Кстати, ты писать не пробовал? Постой-постой, а может быть, ты в своей берлоге сидишь зимой и пишешь по ночам?

– Не болтай ерунды, Макс, – в голосе Ника проскользнула обида, – вчера немного лишнего хлебнул.

– Да брось, Ник, откуда у нас с тобой лишнее? – я повел рукой слева направо. – Ты где-то видишь магазины? Рассказывай, давай.

– Тебе, правда, интересно?

Ник удивленно посмотрел на меня и опять взял паузу, взглядом вперившись в огонь.

«Зомбирует он его, что ли?» – подумал я, но уже через секунду погрузился в его рассказ о том злосчастном полёте.

– Первые пару месяцев наших встреч были временем цве-

тов, конфет и ресторанов...

Ник на глазах погружался в свое прошлое.

Глава 6

Осень 2011 года. Нью-Йорк. Сэнди

В первые два месяца их медовых встреч были цветы, подарки, рестораны и концерты. Однако Сэнди продолжала держать дистанцию, чем еще больше привязывала к себе Ника. Но однажды в одно осеннее теплое утро всё поменялось.

Ник вышел на пробежку. Беговая тропинка вела через парк, вдоль дороги, затем мостик через малую речушку к лесополосе, потом мимо небольших строений возвращалась в парк. И только в одном месте нужно было пересекать узкую полосу автодороги. Он привычным движением вставил в уши наушники, включил плеер на телефоне и сделал первые шаги. Медленно, быстрее, вот, наконец, и нужный ритм бега, в такт AC/DC.

Ник уже заканчивал пробежку, когда, перебегая зебру, он ощутил сильный толчок в бедро, затем полёт короткий, тяжелое падение на асфальт. Первый удар ему пришелся на затылок, потом плечо и локоть. Пытаясь встать, он потерял сознание.

Из машины вышла дама на высоченных каблуках и в ступоре остановилась, впившись глазами в обездвиженное тело.

– Э-э, ты чего? – только и выговорила она, потом внимательно посмотрела по сторонам и подошла к Нику. – Вставай давай.

Она легонько потолкала его в плечо. Никакой реакции.

– Ой, мамочки, – она сморщила свое лицо в мочёное яблоко и почему-то нервно стала вытирать красную помаду со своих губ, – что же делать-то? Алло, мужчина, просыпайтесь!

Наконец она прочмокала к машине и вытащила из нее телефон.

– Дорогуша, – произнесла она в трубку, – ты только не ругайся, тут какой-то спортсмен помял нашу машину. Я лишь чуток его толкнула. Что делать?

На том конце, видимо, стали задавать вопросы. С каждым вопросом в трубке повышался градус эмоций.

– Совсем чуть-чуть. Фужер шампусика, – ответила дамочка, когда услышала в трубке ругательства.

Она простояла еще пару минут, внимательно вникая в наставления, что дальше делать.

– Я поняла-поняла, – дама уже садилась обратно за руль. – Нет, совсем никого. Хорошо-хорошо, уезжаю.

Придя в себя, Ник увидел перед глазами белый потолок. От левой руки куда-то вверх тянулся шланг, из трубочек в носу струился кислород, двигать рукой мешал тяжелый гипс, а шею как будто бы к кровати приковали. И мысли сдерживала вата, и в мозг по каплям стучал пульс.

Свободно можно было водить только зрачками. Он посмотрел налево – там окно. Потом направо – человек.

Девушка. Она сидела и дремала, и то, что он очнулся, по-

ка не замечала. Из-за потока света с потолка Ник не мог разглядеть – кто она. В этот момент в палату вошла медсестра. Девушка очнулась и прижала к лицу ладони, давая себе еще пару секунд, прийти в себя. Ник пригляделся и увидел Сэнди. Но вот обрадоваться не успел – его опять накрыл тяжелый сон.

Он провалялся на больничной койке около двух недель, и Сэнди приезжала к нему каждый день, когда была не в рейсе. Выписавшись, Ник на такси приехал в свою квартиру и в первый же вечер пригласил ее на ужин, который заказал в хорошем ресторане.

Сэнди пришла... и не ушла, осталась. А еще через четыре недели Ник вернулся к полётам.

Они и жили, и летали вместе. Но свои отношения от коллег старались держать втайне. То была просьба Сэнди, хотя Ник и не совсем понимал зачем. Но надо так надо. Так незаметно прошло полгода. И однажды, проходя мимо ювелирного магазина, Ник увидел красивое колечко. Что-то торкнуло его. Он встал и задумался. Ему под сорок, а он всё не женат и без детей.

Что дальше? Сэнди или же искать другую?

Зачем искать другую, если любишь? А если вдруг возьмет, да и откажет? Зачем-то же она скрывает их отношения! Да нет, ну как ему, красавцу-командиру, кто-то откажет? Ну что за бред!

Ник вошел в бутик, где к нему сразу вышла красотка-ази-

атка. Он направился к витрине и показал ей на кольцо. Продавщица издала своей улыбкой слепящее глаза сияние.

– Ни одна женщина перед таким не устоит, – медленно произнесла она по-английски, надевая на руки белые перчатки.

Ник посмотрел на ценник и подумал, что она права.

– А вы ваши гороскопы совмещали?

– Ну конечно! – зачем-то соврал Ник.

– Тогда положите это кольцо дома, на алтарь, если есть. Если нет, то рядом с чем-то святым, и подождите три дня. Если за это время не произойдет ничего дурного, болезнь, ссора или смерть, значит, всё складывается благоприятно, и духи к вам благоволят. Таковы наши национальные традиции.

– Как раз через три дня прилетим в Лос-Анджелес, встану на колени и прямо на взлётке попрошу ее руки!

Девушка взяла кольцо и поднесла его под лампу. Камень заискрился бенгальским огнем. Затем бережно, с особой заботой она уложила его в бархатную коробочку и еще раз улыбнулась Нику.

– Запомните, три дня, – произнесла она на своем языке, но тут же перешла на английский, – и будьте осторожны, эти три дня особенные.

– Я вас не совсем понимаю, – Ник виновато улыбнулся, пытаясь сообразить, о чём она говорит.

– Будьте счастливы, сэр, – девушка подала ему красивый

конверт на красных веревочках. Затем с достоинством поклонилась. – Приходите к нам еще, цзай дзян.

Осень 2011 года. Взлёт. Турбулентность

В тот вечер, когда уже стемнело, шел сильный дождь со снегом, а сбоку круто дул норд-ост. Огромная крылатая машина с надписью «Selta» на боку молча ждала полной посадки, которая была почти завершена. Пассажиры суетились и рассаживались по своим местам, а стюардессы одну за другой закрывали багажные кабины. Но дверь не запирали, все ждали капитана.

– Здравствуйте, капитан Вильямс, – привычно произнесла встречающая его стюардесса, когда он входил в самолёт.

– Добрый вечер, Сэнди, – как всегда, сдержанно ей улыбнулся капитан. – Ну и погодка, не правда ли! Принесите мне, пожалуйста, чашку кофе с аспирином.

– Да, сэр, – потупила в пол глаза стюардесса.

Она знала, что это означало. Это полчашки коньяка, полчашки кофе. Она бы принесла это лекарство безо всякой его просьбы.

Вчерашний вечер начинался в ресторане, затем перешли в бар, потом нырнули в клуб. Вернувшись в номер глубокой ночью, заснуть смогли только под утро. Будильник прозвенел около двух дня. Сэнди выскочила из постели и помчалась в свой номер. Ник встал с кровати, умылся и с трудом оделся. Несмотря на то, что он проспал больше шести часов, его всего трясло. Сказывались разные напитки. Вино,

коньяк, затем зачем-то ром и виски. С какого-то момента, что было дальше, он плохо помнил.

Надо попробовать что-то съесть. Он спустился в ресторан. Обед у него вызвал отвращение, и Ник с трудом лишь выпил чашку кофе. Ему срочно нужно поправить здоровье. Но как?

И тут Ник вспомнил, что Сэнди вчера в клубе купила себе парочку таблеток. Вроде как амфетамин. Он поднялся в номер, открыл прикроватную тумбочку и увидел голубую пуговку. Задумался. Он ни разу не курил конопли, не употреблял наркотики и не принимал экстази. Но сейчас его разбирало на части похмелье и усталость, а ведь совсем скоро нужно садиться за штурвал. Посомневавшись, Ник протянул руку к таблетке, достал ее и повертел в руках. Налил в стакан минералки и... выпил.

Эйфория почти мгновенно овладела его телом, душа поймала чувствительный подъем. Откуда-то пришла раскрепощенность и пару килотонн энергии. Хотелось с кем-то пообщаться и, может, даже и потанцевать. Усталость как рукой сняло. Уже через пятнадцать минут Ник готов был вручную разогнать свой «Боинг».

Через пару часов как ни в чём не бывало он шел по стеклянному мосту к служебным воротам, а еще через двадцать минут попросил Сэнди принести кофе с аспирином.

– Добрый вечер, капитан, – поприветствовал его второй пилот в кабине.

– Привет, – откликнулся Ник, – предполётная завершена?

Мы разве уже летали вместе?

– Нет, сэр, не летали. Я Бобби Гейтс, рад нашему знакомству, – он привстал и неловко протянул Нику руку.

– А где мой Дэвид? – удивился Ник.

– Точно не знаю, мне позвонили из службы планирования три часа назад и поставили на рейс, – второй пилот явно смущался. – Я и сам не очень рад! Как видите, у нас сегодня «камни с неба».

– Я вижу, Бобби, вижу, – ответил Ник. – Если «кишку» уже отстегнули, и всё готово, тогда давай на взлёт.

– Да, сэр, начинаю движение, – второй пилот переключил пару тумблеров на панели приборов и стал осторожно выводить огромную машину на нужную полосу.

– Вышка-старт, добрый вечер, это Сельта четыре четверки на предварительном, разрешите исполнительный.

– Сельта четыре четверки, это Вышка-старт, исполнительный разрешаю.

Огромный самолёт стал плавно двигаться вперед, удаляясь от здания аэропорта. Дойдя до взлётной полосы, второй пилот остановил машину секунд на пять и так же медленно повел ее вперед направо.

– Вышка-старт, занимаю полосу двадцать четыре – исполнительный, – второй пилот поправил наушник с микрофоном. – Сельта четыре четверки к взлёту готов.

– Сельта четыре четверки, это Вышка-старт, взлёт разрешаю, боковой триста градусов, тридцать узлов, – и дальше

не по протоколу, – удачного полёта, ребята, с погодкой вам свезло.

– Вышка-старт, это Сельта четыре четверки, взлетаю.

Тяжелая машина еще стоит на месте, когда лопасти турбины начинают напряженную борьбу с тормозами на шасси. Тяга увеличивается, а второй пилот всё продолжает медленно добавлять обороты двигателям. Вот в нужный момент он снимает двести тонн с места, машина делает рывок и резко начинает свой разгон. Длинные крылья отбивают дробь в такт быстрому движению. В лобовых окнах кабины пилотов замелькала разметочная полоса. Быстрее, быстрее, еще быстрее.

– Показания бортовых приборов в норме, индикаторы скорости работают нормально, скорость восемьдесят узлов... сто... сто двадцать...

Под доклад второго пилота самолёт сильно толкает шквальным ветром в правый борт.

– Боковой ветер тридцать узлов, сэр.

– Вижу, – произнес Ник, внимательно следя за разбегом.

– Скорость сто двадцать... сто тридцать, – продолжил отсчет второй пилот.

– Отрыв! – прозвучала команда капитана, и под громкий вой мощных турбин оба пилота потянули штурвалы на себя.

– Есть отрыв! – вторил ему пилот.

Величественная птица плавно задрала нос кверху, оттолкнулась от бетонки и медленно вошла в воздушное простран-

ство. Со стороны казалось, что она не торопилась и в какой-то миг даже чуть застыла на месте.

– Убрать шасси, – приказал капитан в ту секунду, когда самолёт опять тряхнуло под натиском дождя и ветра.

– Есть, убрать шасси, – ответил Бобби. – Вышка-старт, взлёт произвел.

– Четыре четверки, это Вышка-старт, набирайте эшелон десять ноль, влево курс два пять.

– Вышка-старт, вас понял, девять ноль, влево два пять, – ответил диспетчеру Ник.

От сильной тряски «обезболивающее» теряло свои свойства, и голова опять гудела.

– Пора нам выбираться из этого дерьма, – он сжал штурвал покрепче и потянул его на себя. – Ну, дергай за «рога», Бобби, чего сидишь?

И самолёт уверенно изменил угол, да так, что пассажиров вжало в спинки кресел. Ник еще добавил оборотов двигателям, отчего звук в салоне стал напоминать жужжание огромного миксера, который и должен был бы разогнать все тучи за бортом.

Должен, но не разогнал.

Машина всё быстрее и быстрее карабкалась вверх. Тряска увеличилась. В салоне стали слышаться крики женщин и детей. Даже мужчины вцепились в ручки кресел, крепко упершись ногами в пол, они отчаянно пытались перебороть свой страх. Кто-то молча, а кто-то с тихим воем.

– Диспетчер, это Сельта четыре четверки, – запросил Ник, – нам надо три ноль влево, там зона поспокойней.

– Сельта четыре четверки, это Вышка-старт, три ноль влево разрешаю.

– Диспетчер, это Сельта четыре четверки, выполняю три ноль влево.

Ник сделал осторожный маневр и продолжал тащить наверх огромный борт сквозь облака, грозу и гром. Эшелон четыре, пять, шесть, но облака всё не кончались и, казалось, что бешеная тряска сейчас разложит на молекулы эту огромную машину.

– Бобби, – обратился капитан к бледному пилоту, – а ты не слышал, что этот «бобик» взлетать умеет вертикально?

Второй пилот повернул голову к командиру и удивленно спросил:

– Вы хотите это проверить, сэр?

– Расслабься, Бобби, я пошутил! Попробуем потом.

Эшелон семь.

От напряжения у обоих пилотов стали мокнуть рубашки. Тряска становилась критической. Ладони Ника побелели от напряжения, а мышцы рук уже устали.

Восемь.

Как же так, просвета всё не видно. По всем законам они уже должны выскочить из этой зоны облаков.

Девять...

И вдруг машину, как мячик из воды, выбросило на чистый

разреженный воздух. Звёздное небо, полная луна и тишина. И тряски нет в одно мгновение. На долю секунды всем на борту показалось, что они испытали невесомость.

– Как говорится, сохраняйте спокойствие! – пошутил Ник. – Экипаж и бортопроводники подготовлены к действиям в аварийных ситуациях.

– Сплюньте, капитан! – Бобби явно было не до шуток. – Не приведи Господь.

И оба с облегчением выдохнули полной грудью. Ник сбавил обороты у движков и плавно выровнял линию горизонта.

– А вот теперь, Бобби, врубай свой автопилот, нам нужно отдышаться.

– Есть, сэр, перехожу на автопилот, – второй пилот выполнил команду.

Ник откинулся на спинку, закрыл глаза и задремал. Пропал он в таком положении не меньше часа...

Я смотрел на огонь и молча слушал Ника. Вокруг нас была темень, которая так хорошо помогала рисовать моему воображению все детали, все мелочи, все чёрточки этой картинки. Я вспомнил свой перелёт сюда через Атлантику. Нет, нас, конечно, потрясло, но это были цветочки по сравнению с тем, о чём сейчас поведал Ник. Однако же я немного поспешил, решив, что окончание истории уже совсем близко.

Ник продолжал молчать, затем глотнув виски, решил продолжить:

– Всё началось в пять утра. Полёт проходил в штатном режиме: строго на восток, над Тихим океаном, высота двенадцать тысяч метров, борт шел на автопилоте, скорость около восьмисот километров в час⁹. Неожиданно небольшой боковой ветер вверх самолёт в легкую тряску. Не страшно. Но уже через десять минут поток резко окреп, а второй двигатель внезапно начал терять тягу, и через пару минут мы заглянули в глаза смерти...

Осень 2011 года. Небо. Падение

– Дамы и господа, говорит капитан корабля. – Ник вышел на громкую связь со спящим салоном. – Мы входим в зону турбулентности, просьба всем пристегнуть ремни.

Бортовой инженер склонился над приборами и послал команду двигателю на ускорение. Двигатель не среагировал, а самолёт начал терять скорость. И в этот момент Ник не поверил своим глазам – четвертый двигатель заглох. На высоте двенадцать тысяч метров летел один из самых тяжелых самолётов в мире! И летел он на двух с половиной двигателях!..

– Удержать высоту не удастся, – сказал Ник и повернулся ко второму пилоту, – Бобби, что делали на земле с этим четвертым двигателем?

– Ремонтировали, сэр, – на лбу Бобби проявились крупные капли пота. – Предыдущий экипаж по возвращении доложил о неполадках. Может, не всё исправили?

– Запросите центр Окленда на более низкий эшелон!

– Есть, сэр! – и Бобби сразу же сообщил в микрофон: –

Центр Окленда, это Сельта четыре четверки, у нас отказ четвертого двигателя, запрашиваю девятый эшелон.

– Сельта четыре четверки, девятый эшелон разрешаю.

К моменту разрешения самолёт уже и сам снизился на один эшелон.

– Бортинженеру запустить четвертый двигатель, – у Ника еще теплилась слабая надежда, но двигатель опять не среагировал.

– Нет реакции, – доложил он, – капитан, у нас сильный крен вправо. Скорость падает.

– Сельта четыре четверки, говорит Центр Окленда, для вас приготовлен курс два сорок.

– Центр Окленда, говорит Сельта четыре четверки, принимаем курс два сорок.

– Капитан, мы продолжаем снижение, – отчеканил второй пилот.

Ник задумался. Каждая секунда в такой ситуации может стать решающей. Пока еще всё под контролем, однако что-то ему подсказывало, что скоро всё изменится и не в лучшую сторону.

– Нос вниз, – отдал неожиданную команду Ник, в надежде увеличить скорость.

Самолёт начал снижение, но и это не помогло, крен самолёта продолжал увеличиваться. Тогда Ник принял решение отключить автопилот и перейти на ручное управление. Самолёт резко дернуло, в салоне попадали посуда и сумки

из багажных отделений. Раздались редкие возгласы пассажиров, а борт тем временем, продолжая терять высоту, вошел в густые облака. Оба пилота теперь не видели линию горизонта, по которой необходимо удерживать самолёт.

Ник бросил взгляд на показатель АИН и почувствовал, как у него зашевелились волосы. Этот прибор не показывал линию горизонта, он был полностью черным. Теперь Ник не мог знать, где земля, а где небо. Каким образом прибор мог внезапно выйти из строя, было неясно. И тут у Ника закрались страшное подозрение – прибор не видит горизонт. Борт мчится носом прямо в землю? Только в этом случае прибор мог показывать всё черным.

– Нет, чертовщина какая-то, не может быть такого, – тихо обронил Ник.

Катастрофа мощным рывком вторглась в его полёт, и он впервые не отдавал себе отчета, что надо делать.

Между тем в салоне самолёта творилось ужасное. Всё то, что не было закреплено, стало летать в воздухе, биться о стенки, пассажиров, потолок. Стюардессы ничем не могли помочь, так как сами были пристегнуты и вдавлены в кресла. Из багажных отсеков полетела последняя ручная кладь. Раздавались стоны и крики. В салоне отчетливо был слышен треск заклепок, будто бы пули бьются об обшивку самолёта. Кто-то вцепился руками в ручки кресел, кто-то уперся в переднюю спинку, но все, абсолютно все издавали панический вой смерти. В этот момент мало кто сомневался, что самолёт

неуправляем и падает тяжелым камнем в океан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.